

1972

№

Гриф секретности

Срок хранения

ДЕЛО №

РОДИНА

Начато « »

197

Нач

Евгений Щепетнов

Михаил Карпов

ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕТНОВ

1972. Родина

«Щепетнов Евгений»

2020

Щепетнов Е. В.

1972. Родина / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2020 — (Михаил Карпов)

Пока ты выгоден власти, она будет удерживать тебя при себе всеми возможными способами. Михаил Карпов после возвращения на родину живет на полную. Денег у него куры не клюют, а скоро будет еще больше. Он вот-вот получит знак лауреата Ленинской премии. Карпов довольно близко и даже по-приятельски общается с высшим руководством СССР. Но так ли все безоблачно для писателя-фантаста, который попал в семидесятые из 2018 года? К сожалению, нет. И сам Михаил это прекрасно понимает. Ему дают жить и всячески поддерживают в любых начинаниях. Но все это лишь временно. С каждым годом ценность знаний Карпова будет падать все ниже и ниже. Однажды наступит переломный момент и необходимости в таком человеке, как Михаил Карпов, просто не будет. Вот именно тогда красивая жизнь навсегда закончится. Вопрос лишь в том, когда этот самый момент наступит? И будет ли Карпов готов к этому? Ведь знать собственную судьбу не дано даже человеку из будущего... Книга содержит нецензурную брань

© Щепетнов Е. В., 2020

© Щепетнов Евгений, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Щепетнов
1972
Родина

Евгений Щепетнов

* * *

Глава 1

– Аносов готов служить. Если только ему доверяют. Если вы гарантируете, что никаких проблем по известным обстоятельствам не будет. Он все еще доверяет вашему слову...

– Карпов, ну я же тебе сказал – это был эксцесс исполнителя! – досадливо поморщился Семичастный – Я не отдавал приказа на захват! Виновные в этом инциденте понесут наказание! И уже понесли!

– Виновные? – я скривил губы – Или виновный? Эти-то ребята причем? Из группы захвата! Кстати сказать, они профессионально вели нас, да так, что мы и не заметили слезки. А то, что не смогли взять Аносова... так куда им до него? Щенята против волкодава!

Семичастный усмехнулся, будто что-то вспомнил, но тут же сбросил улыбку и посерьезнел:

– Он может найти кого-то из своей старой группы?

– Уже нашел. Трех. Остальных надо разыскивать по архивам, они выпали из поля зрения. Но эти трое – основные, его личная группа. Были еще двое, но... погибли. Случайность. Бытовуха. Одного застрелили на охоте – пьяный придурок палил по всему, что движется. Прнял за лося. Второй попал в катастрофу – пьяный водитель самосвала с кирпичом. Судьба... она такая.

– Да, она такая – кивнул Семичастный – пули не убили, а тут... ладно, трое, это уже хорошо. Твоя... хмм... дача уже строится, процесс запущен. Днем и ночью работают, как рабы на строительстве пирамид! За две недели не управимся, сам понимаешь – ты задал такой объем работ, о котором и не думали. Но за месяц я думаю справимся.

– Хорошо, если за месяц – кивнул я – Буду очень удивлен, если за месяц. А что насчет арсенала? Сделаете?

– Сделаем. На твою ответственность и под строгий учет. Кстати, личное оружие не хочешь получить?

– А зачем оно мне? У меня уже есть личное оружие. Сто девяносто сантиметров роста – я усмехнулся, и Семичастный понял:

– Как она? Справляется? Претензии есть?

– Еще как справляется! – улыбнулся я – Попрошу вас, если можно... пусть она останется со мной? И когда я в Америку поеду – тоже. Английским она владеет не хуже меня, французским, вьетнамским, португальским. И вообще – просто красавица!

– Неужто запал на нее? – хохотнул Семичастный – Гарем у себя там устроил? А как же твоя Ольга?

– Я с Настей не сплю – пожал я плечами – Она ценный работник, как и Ольга. И кстати – женщина-телохранитель меньше всего привлекает внимание... даже если она такого роста и таких статей. Никто не может подумать, что это боевик, вооруженный до зубов. Тут, в Союзе, я никакой опасности не вижу, а вот в Штатах она мне здорово пригодится. Опять же – кто-то ведь должен вам стучать на меня? Будете Ольгу терроризировать, требовать освещать мою деятельность, она будет нервничать, а тут – готовый агент под боком подозрительного Карпова! Разве плохо?

– Циник. Ты – наглый циник! – поморщился Семичастный – вот уверен, что твое начальство в двухтысячных годах тебя не любило! Язык, как помело!

– А меня не надо любить – холодно бросил я – Меня надо ценить. И не обманывать. И я никогда не обману и не подведу. Как там говорится? Точность – вежливость королей. Тут еще какой вопрос... о презренном металле. Аносов спрашивает – что обещать людям, какие блага. У них семьи, дети. Им – зачем это все? Людям, как и Аносову – уже по пятьдесят лет. Что им сказать?

– Всем – квартиры в Москве – не задумываясь ответил Семичастный – В новых домах. Двойное жалование, плюс премии. Повышение в звании на одну ступень. Фонд для премий – в руках Аносова. Туда положим хорошую сумму, и будем ежемесячно пополнять. Снаряжение – любое. Вооружение – любое! Каждому по автомобилю – «волга». Их задача – обучать и обучаться. Ты обучаешь их – тому, что знаешь, они обучают курсантов. Они будут инструкторами. Но... действующими инструкторами. Если понадобится – и они будут работать. Но главное – пусть обучают курсантов.

– Откуда курсанты? Кто это будет? И вообще – какова структура отдела «Омега», и какое место в нем буду занимать я лично и Аносов в частности. Хотелось бы понять.

– Ты начальник базы – до тех пор, пока в этом не отпадет необходимость. Ты обучаешь Аносова и инструкторов тому, что знаешь. Если, конечно, тебе есть чему их обучить. Но я думаю – есть. Аносов – начальник отдела. Трое найденных им сотрудников – его заместители и инструктора. Он сам определит, кто чем будет заниматься. Аносов подчиняется мне и Шелепину – по старшинству. Больше никому. Когда ты уедешь в Америку, Аносов останется командовать базой вместо тебя.

– Дачей! – усмехнулся я.

– Дачей – тоже усмехнулся Шелепин – Не переживай, построим тебе другую, простую. Если захочешь. Только на кой черт она тебе нужна? С твоим домом в Монклере и твоей виллой в Ньюпорт-Бич! Настю я за тобой закреплю. Делай с ней что хочешь – она твоя. Твой сотрудник. Кстати, забери – пусть все-таки у вас будет.

Семичастный толкнул по столу четыре красные книжечки, я поймал их, раскрыл. И первое, что увидел – свой портрет в милицмейской форме. Прочитал: «Полковник милиции...»

– Это еще что? – удивился я – Документы прикрытия, что ли?

– Точно – кивнул Семичастный – Второе удостоверение стандартное. Мало ли... вдруг пригодятся. Уедешь – оставишь у себя в сейфе. Или сдашь на хранение. Постарайся на разматывать им направо и налево И вот...

Он достал из папки еще три удостоверения, снова кинул мне – я посмотрел, это были удостоверения Аносова. Полковник милиции, и полковник Комитета.

– Кстати, а где вы взяли мои фото в форме? – внезапно понял я.

– Да какая разница... нашли! – усмехнулся Семичастный.

Ну что же... фотожабы здесь не имеется, но есть хорошие фотографии. Почему бы не приделать голову Карпова на плечи какого-нибудь подходящего полковника?

Открыл еще одно удостоверение – Ольга. Уже лейтенант! Быстро растут люди в званиях во время кризиса...

– Передай Аносову все, что я сказал. Обещаю, со своей стороны мы сделаем все, что возможно, чтобы он и его люди не чувствовали недостатка ни в чем. От них только служба и верность.

– Вы так и не сказали, кто будет курсантами – напомнил я.

– Двадцать человек – задумчиво пояснил Семичастный – Люди подобраны в нашей структуре. Морально устойчивые, не склонные к болтовне, готовые ради отечества на все. В том числе и жизнь свою отдать. Неженатые. Возраст – двадцать пять-тридцать лет. Каждый занимался каким-то из видов единоборств – бокс, самбо. Прекрасно стреляют – в рамках своей службы. Знают один или два языка – английский, французский, немецкий. Офицеры – от старшего лейтенанта до капитана. Приступить к тренировкам могут в любой момент – как только будет построена база. Еще вопросы?

– Да. В столовую – повар, хозяйственная прислуга. На базу – охрана по периметру, пропускной режим. Каждому курсанту, охране и техобслуге – пропуска. Без пропуска – никто не должен войти. Дежурный автобус для вывоза курсантов. Остальное – по мере запуска базы в

работу. Пока – все. Как уже сказал – по ходу работы будут еще требования, но сейчас все есть. Ах да, вот еще что... есть претенденты на замену этим курсантам?

– То есть? – брови Семичастного поползли вверх – Какую такую замену?!

– Часть из курсантов отсеется в процессе учебы – невозмутимо ответил я – некоторые окажутся неспособны выполнять учебную программу. Кто-то не подойдет по морально-политическим качествам. А кто-то просто... умрет.

– То есть?! Как это – умрет?! – Семичастный совсем опешил – вы что их, убивать будете?

– Будем! – мотнул я головой – Будут работать в условиях, максимально приближенных к боевых. Стреляем патронами с уменьшенным зарядом пороха, работаем боевыми ножами. Пропустил удар, получил пулю – можно и помереть. Кстати, медпункт мы предусмотрели и там должен работать фельдшер. Травмы будут постоянно.

– Мда... – Семичастный посмотрел на меня взглядом, в котором читалось уважение – Вы подходите к делу со всем... хмм... тщанием!

– Меня так учили. В папке, которую я вам передал, содержатся эскизы снаряжения, которое нам необходимо сделать. И срочно. Очень срочно! Это приборы бесшумной стрельбы – такие, какие используются в будущем, в просторечии – глушители. Это разгрузки. Это бронежилеты, каски, ножи и все остальное. Эти вещи можно сделать буквально на коленке мелкими партиями, потому проблем думаю не возникнет. Но все это должно быть изготовлено к началу работы базы. Список оружия я вам уже передавал.

– Зачем вам иностранное оружие? Кольты? Снайперские винтовки? М-16?

– Насколько я понимаю, группа не всегда будет работать только здесь, в Союзе. Так что... ну вы поняли.

– Понял – кивнул Семичастный – Хорошо, сделаем. Еще что-то?

– Оружейник нужен. Который будет заниматься переделкой нашего оружия и его ремонтом. Чтобы мы всегда могли отвезти ему стволы и в кратчайшие сроки их получить назад. Ну и... патроны! Патроны, патроны, патроны... мы сожжем их столько что хватит на дивизию! Но это важно. Это самое главное. Патроны боевые и патроны тренировочные – их пометить. Еще вот что... спецсредства. Уверен, в недрах вашей... нашей конторы есть спецсредства, о которых почти никто не знает. Мне нужны яды, мне нужны заряженные иголки, мне нужны «Стрелки».

– Стрелки?! – Семичастный поднял брови – откуда ты... ах да, все время забываю, с кем разговариваю.

– Угу – кивнул я – Меня ваши коллеги тоже хотели иголочкой подколоть... чтобы языком не трепал лишнего. Ниночке дали иголочку. Вот таких иголочек было бы неплохо иметь побольше. И... инструктора – как ими пользоваться. А также – противоядия.

– Мне иногда тоже хочется тебя иголочкой подколоть! – проворчал Семичастный – Все не можешь забыть! Говорю же – не мы отдавали приказ! Брежнев. А его уже нет. Ну... если все у тебя – ходи отсюда! Делай дело. Кстати, как продвигается запись песен?

– Минусовки сделали, завтра начнем голос накладывать. Закончим – будем Ольгу писать. Хочу и Настю привлечь – бэк-вокалисткой.

– Кем?! – не понял Семичастный.

– Бэк-вокалисткой. Ну это если с английского – поющий сзади. То есть один певец поет, другой подпевает.

– Подпевала, в общем – вздохнул Семичастный, и проведя рукой по лицу, глухо, устало сказал – Чем я занимаюсь, а? Бэк-вокалистами! Ладно... не забудь – ты поешь на концерте к Дню Победы. Готовься как следует. Репертуар представишь мне лично – я буду одобрять.

– Репертуар вы уже слышали в записи – пожал я плечами – За исключением одного... я не знаю, как вы отреагируете, но мне хотелось бы это исполнить.

– Что именно? – насторожился Семичастный.

– Гимн. Гимн СССР, но не просто гимн, а в рок-обработке. Мы его сейчас записываем, вернее – уже записали. Осталось наложить голос.

– Что?! Какие слова?! Ты чего? – Семичастный смотрел на меня, как будто я сказал что-то непотребное – Старый текст?! Со Сталиным?! Категорически – нет! Нас не поймут!

– Вот! – я достал из кармана листок бумаги, сложенный вчетверо – Посмотрите. Никаких сталиных, и все в высшей степени патриотично. Сейчас гимн исполняется без слов, а я вам написал слова. У нас он исполнялся по-другому, не было упоминания Ленина и партии. Тут – есть. Но вот на обратной стороне уже тот текст, что в гимне в моем времени. Ритм исполнения не такой торжественный, в ритме рока. Молодежи очень понравится, уверен!

– Прочитаю! – Семичастный взял листок, разгладил, положил в папку – иди! И подготовь записи песен – я прослушаю, что у вас там получилось.

Он встал и пошел к своему креслу. Я тоже встал, собрал со столика удостоверения, раскинул их по карманам. Все, можно идти.

– До свидания, товарищ Председатель!

– И тебе не хворать – рассеянно откликнулся Семичастный, и больше уже не обращал на меня внимания, погрузившись в чтение бумаг. Я же вышел из кабинета, и уже без сопровождения по знакомому коридору Конторы. Теперь я здесь был «свой», и мне не требовалось пропуска, не требовалось провожатого.

Мимо охранника на посту у выхода, и на улицу, к Железному Феликсу. Проходя мимо него, отдал честь: «Салют, Феликс!». Пока истукан стоит – Советский Союз тоже будет стоять!

Проходившая мимо интеллигентного вида женщина неодобрительно на меня посмотрела. Небось, из местной оппозиции! Не одобряет! Ну как же – отдал честь кровавому Тирану! А для меня Железный Феликс просто символ. Пусть стоит! Гнобить памятники – последнее дело. Если, конечно, это не памятник Гитлеру или Муссолини.

Подошел к черной «волге», стоявшей на парковке возле здания, открыл дверцу, уселся на сиденье рядом с водителем:

– Поехали на студию.

Все мои водители – их теперь было трое, видимо, чтобы выстроить график – были удивительно неразговорчивы. Максимум – пару тройку слов за поездку кроме «здравствуйте и до свидания». То ли инструкция у них такая – не досаждать мне разговорами, то ли сами по себе молчаливые люди, а может и все сразу. КГБ не любит болтунов. Они, понимаешь ли, находка для шпиона!

На студии «дым коромыслом». Богословский выбежал откуда-то из боковой двери встрепанный, и как всегда, сходу завопил:

– Давай, давай быстрее! Тебя ждем! Студия простаивает, мне уже всю плешь проели!

– Ты вот что, Никита... когда запишем, сделай мне магнитофонную запись. Семичастному доставить пред светлые очи. Он сегодня потребовал, мол, должен сам дать добро. Или не дать.

– Вот будет номер, если он еще и зарубит всю нашу работу! – усмехнулся Богословский – Столько труда, столько хлопот...

– Не зарубит, гарантирую! – отрубил я, Богословский махнул рукой и молча потащил меня к той комнатке, где стоял микрофон и где за стеклянным окошком были видны огромные пульта со множеством фишек, назначения которых я совершенно не представляю. Да и не хочу представлять. Каждый должен делать свое дело.

Я надел наушники, передо мной на столе включилась лампа – сейчас пойдет мелодия. Я приготовился, и... понеслось!

* * *

Аносов сидел напротив меня, возле него двое мужчин похожих на него как братья – такие же жилистые, поджарые, как старые, но еще сильные волки. Третий с моей стороны стола – по возрасту он был им вровень, но габаритами гораздо крупнее, эдакий штангист на пенсии. Только без лишнего жира, который обычно набирают бывшие спортсмены-тяжелоатлеты. И без живота.

Я пришел в эту квартиру вечером, уже после того, как закончил запись в студии. Сегодня мы записали три песни, и одну отрепетировали на завтра. С самого утра начнем, с восьми часов. Сегодня мне пришлось убить два часа на посещение Семичастного – по его требованию, так что времени на запись осталось меньше. Но тут уже некуда деваться – надо! Если тебя вызывает Председатель КГБ – бежишь на полусогнутых и не спрашиваешь – зачем и почему тебе это надо. Или ему. Хотел я этого, или нет – но теперь сам являюсь комитетчиком, притом не самого низкого звания. Полковник, однако, не хухры-мухры.

Этих людей я раньше не видел – кроме Аносова, само собой разумеется. Это и были бойцы его спецгруппы, которая во время войны и после войны занималась ликвидацией врагов родины.

– Вот, парни, это Михаил. Он будет... хмм...

– Временно буду курировать базу подготовки – подхватил я эстафетную палочку – Номинально это моя личная дача. На самом деле – база подготовки бойцов спецподразделения «Омега». Я обучаю вас, вы обучаете бойцов. Затем я сменю вид деятельности, и ваш командир останется командовать в одиночку. Все понятно?

– Ты... нас... обучать?! – брянет, чуть выше Аносова ростом, скептически усмехнулся – Парень, да тебе сколько лет?! Чему ты можешь обучить *меня*?! Да тебя самого надо учить! Ох уж эта молодежь... бороду отрастил, чтобы солиднее что ли быть? Тебе еще и усы-то не по чину, а ты бороду!

Я посмотрел на Аносова, тот ухмылялся и в глаза его искрился смех. Он подмигнул, мол, выкручивайся сам!

– Мне пятьдесят два года. Я боец спецподразделения, которое нацелено на захват командных пунктов стратегического назначения. Диверсант. Военная специализация – снайпер. Я думаю, что вам будет чему научиться у меня. Ну а я чему-то возможно научусь у вас.

– Пятьдесят два года?! – мужчина неверяще помотал головой – Как это может быть?! И что за подразделение такое, почему я не слышал?

– Вы много о чем не слышали – пожал я плечами – Значит это не входило в круг ваших обязанностей – слышать об этом. Вы же все военные люди, должны понимать. А что касается моей кажущейся молодости...

– Стой! – перебил меня второй, сидевший возле Аносова – Я тебя знаю! Парни, это же Карпов! Ну тот, что Мохаммеда Али завалил! И потом у него пошли какие-то проблемы с фэб-ээр! Он из Штатов удрал! Ну, помните? Ох, Серега... ну ты и темнила! Познакомлю с куратором... вы будете удивлены... только ничего не спрашивайте... все потом поймете... Темнила ты, командир! Сказал бы сразу – с Карповым будем разговаривать!

– Карпов? Мохаммед Али? – беспомощно развел руками первый – Парни, я вообще не в курсе!

– Еще бы ты в курсе был! Залез в свою тайгу, и сидишь там безвылазно! Охотник хренов! Не надоело? – Аносов подмигнул товарищу – Супружница небось уже всю плешь проела, мол, в медвежьем углу сидишь!

– Там тихо, спокойно... и люди почище душой – вздохнул первый – Не люблю город. А супруга... да, поедом ест. Мол, все люди, как люди... да и дочку учить надо, она школу в этом году заканчивает.

– И мои тоже – в этом году! – подал голос третий, что сидел возле меня – Их в институт нормальный нужно пристраивать. Ну так что, отцы-командиры, зачем вытащили нас из небытия? Что нужно-то? Обучить бойцов и назад, на пенсию?

– Сергей... представь мне твоих подчиненных – попросил я, и получилось это так, как если бы я приказал. В принципе – это и был приказ. Что отдать приказание не обязательно рычать, как японцы, главное – чтобы было понятно, кто тут главный, кто имеет право отдавать приказы. И сейчас это был я.

Аносов кивнул:

– Это Виктор Маркин (он указал на первого). Твой коллега, снайпер. Капитан в отставке. Этот вот (указал на третьего, «тяжелоатлета» что сидел возле меня) Василий Малеев. Тоже капитан в отставке. Специалист по подрывному делу и рукопашник. В принципе все мы в рукопашке не последние люди, но у Василия это всегда получалось лучше всего. Габариты у него такие, что руками порвать может. Ну и Петя Калугин – на все руки мастер. И стрелок, и рукопашник, и подползти так, чтобы даже собака не услышала – это все он. Разведчик. Тоже капитан. Все проверенные годами боевой работы, обстрелянные, орденосцы. Кстати, парни, у Михаила между прочим орден Ленина и звезда Героя.

– За что? – настороженно спросил Маркин.

– За работу в тылу потенциального врага – спокойно пояснил я.

– Ах вон что... – понял тот – Так ты нелегал! Шпион! Так бы и сказал... Подожди, ты так и не сказал – почему так молодо выглядишь?

– Вот если бы ты не сидел в тайге, а интересовался жизнью страны, тогда знал бы, кто такой Карпов! По официальной версии он сам не помнит, кто он такой. Его нашли на дороге голым и потерявшим память. Поместили в психушку, стали узнавать, кто он такой. Не нашли, и дали ему имя и фамилию. А он начал книжки писать. Книжки очень популярные – фантастику. За счет этого и вылез наверх. Уехал в Америку, там разбогател. И похоже, что это все была легенда прикрытия – он там работал резидентом разведки. Его вычислили, и он еле унес ноги. Так, Михаил?

Я молчал, и только улыбался.

– Видишь? Молчание – знак согласия!

– Вас не это должно интересовать! – пресек разговоры Аносов – Вас должно интересовать – что вам делать, в чем будет заключаться ваша работа, а еще – какие плюшки вы получите за вашу работу! Итак, Миш, излагай! И кстати – я думаю вас не надо предупреждать, чтобы вы не болтали? Например о том – кто такой Михаил, что вы делаете, что будете делать! Учтите – подписку с вас не взяли... пока не взяли, но если хоть слово ляпнете на стороне – башка с плеч. Все очень серьезно.

– Обижаешь, командир! – буркнул Малеев – Мы что, дети? Больше двух десятков лет в органах!

Я дождался, когда все замолчат и уставятся на меня, и начал свой рассказ. Когда закончил говорить, Маркин присвистнул под недовольным взглядом Аносова (не свисти, денег не будет!), и снова недоверчиво помотал головой:

– И это только за инструкторскую работу? Все эти блага?

– Это не за инструкторскую работу – построжал лицом Аносов – Это за то, чтобы ты передал знания следующему поколению. И за то, чтобы молчал. И кстати – я не уверен, что тебе не придется участвовать в подготовке акций. По крайней мере – пока курсанты не встанут на ноги. Может и самому в них придется участвовать.

– Может быть и так – подтвердил я – Парни, вы все можете отказаться. Никто не будет вас убивать, никто не предъявит вам претензий. Просто уедете, и все тут. В свою тайгу. На свою дачу. Мы справимся и вместе с Аносовым. Но если вы хотите выбраться из своей тины, если хотите перебраться в Москву, жить полноценной жизнью не считая копейки и не задумываясь о том, как обучать детей – это ваш шанс. Вы слышали, что вам дадут. Но и спросят за это по-полной. Не рассчитывайте на спокойную преподавательскую жизнь. Итак, думайте. На раздумья вам... аж пять минут! (Я криво усмехнулся – куда они денутся с подводной лодки?)
Время пошло!

– Мы по лесам Белоруссии шастали, не надеясь пережить войну – задумчиво сказал Калугин – За бандеровской сволочью гонялись, из схронов выковыривали – за один оклад и паек. А тут... все блага! Машины! Квартиры! Москва! Вы как хотите, парни, а я – за!

– И я – за! – кивнул Малеев.

– Главное, чтобы нас как помои в яму не слили, когда мы перестанем быть нужны – пожал плечами Маркин – Как, Михаил, гарантируешь, что нас не сольют?

– Ты видимо шутник, капитан! Или невеликого ума человек! – жестко сказал я, фиксируя взглядом бойца – Как я тебе что-то могу гарантировать?! Ты что, первый день служишь?! Я – никогда не сдам! А те, кто над нами – как можно гарантировать, что нас всех не сольют? И меня в том числе! Одно могу вам обещать: если это будет зависеть от меня, я сделаю все, чтобы такого не случилось. Сергей правду вам сказал – я очень богат, просто фантастически богат! Деньги у меня там, за границей, но я смогу ими воспользоваться, когда выберусь. И если станется так, что у нас здесь земля будет гореть под ногами – мы выберемся, и будем жить!

– А семьи? – вздохнул Маркин – Жены, дети...

– Всех вытащим, если понадобится – сказал я уверенно, хотя уверенности такой не чувствовал – Да что все заладили – сольют, не сольют! Пока что ваша обязанность подготовить высококлассных ликвидаторов, которые смогут решить любую задачу, поставленную перед ними! Никто не требует, чтобы вы участвовали в акциях. Но если понадобится, имейте в виду – вам тоже придется это делать. Потому еще раз спрашиваю – вы хорошенько подумали? Назад дороги не будет!

– Согласен. Согласен! Согласен...

– Хорошо – вздохнул я – Фамилии, имена у вас настоящие? Или легенда?

– Настоящие – кивнул Аносов – Просто я уничтожил следы о них в архивах. Ну и кое-какие документы сделал – чтобы пенсию получали, чтобы было на что жить. Сейчас они числятся военными пенсионерами, участниками войны. Никаких следов о работе в группе ликвидаторов.

– А остальные? – спросил я, глядя на Аносова – Еще кто-то из группы есть? Вас же человек двадцать было, так?

– Больше никого не будет – коротко пояснил Аносов, и замолчал. Пояснять ничего не стал, а я не спросил. Раз не хочет говорить, значит не надо. По большому счету и не очень интересно. Хватит и трех инструкторов, плюс Аносов, плюс я сам.

– Итак, подытоживаю: вы согласны работать на тех условиях, которые я озвучил. Так?

– Так – кивнул Аносов.

– Паспорта с собой?

– Да, я предупредил.

– Давайте мне их сюда. Вам их вернут после того, как оформят все нужные документы. База будет готова примерно через две-три недели, там сейчас идет строительство. За это время вы должны устроить все свои дела и переехать в Москву. Есть где пожить несколько дней? Дня три-четыре. Может меньше.

– Есть – кивнул Аносов – Я эту квартиру снял, поживут пока здесь, не बारे. В худших условиях жили, и ничего. Пожрать есть, выпить тоже, так что...

– Насчет выпивки... – начал я, и Аносов меня перебил:

– Когда начнется служба – сухой закон. Без разрешения командира – ни-ни. А пока мы еще не на службе – пусть расслабятся. Они норму знают и не переборщат.

– Ну, тогда все, договорились. Рад был с вами познакомиться. Надеюсь, все у нас сложится – я встал, протянул руку Малееву, тот принял ее. Но задержал:

– погоди, Михаил. Ты главное не сказал: кому мы подчиняемся, и... вообще – каковы цели нашей группы?

– Починяемся мы напрямую Семичастному и Шелепину. Входим в структуру КГБ, как секретный отдел. Цели – любые, какие нам укажут. Цели – враги государства.

– И враги Шелепина с Семичастным? – усмехнулся Маркин.

– Вы только что дали согласие на работу – холодно сказал я – зачем эта болтология? Тем более, что вы инструкторы, а не оперативники. То, что будут делать оперативники вполне возможно вас и не коснется. Единственное, что я вам скажу: в стране готовятся крупные реформы. Они не всем понравятся, и мы должны быть готовы к любым нештатным ситуациям. Вплоть до бунта. Потому руководству страны понадобился абсолютно независимый от других служб отдел, который выполнит специальные задачи. Все, больше вам ничего не скажу. Иначе придется уже по третьему разу все пояснять!

– Все, Миша, будь спокоен – все нормально! – Аносов встал, подошел ко мне, протянул руку – Работай нормально, ребята подождут здесь.

– Деньги нужны?

– Есть деньги, хватит – отмахнулся полковник – шагай!

Я попрощался с каждым за руку и вышел за дверь на пахнущую кошачьей мочой лестничную площадку. Через несколько минут был уже у «волги», а еще через десять минут машина влетела в поток машин на оживленной улице и понеслась в сторону центра.

Я ткнул пальцем клавишу на панели «Алтая», набрал знакомый номер, дождался длинного гудка, снял трубку:

– Слушаю! – ответил голос на той стороне.

– Это Карпов. Мне нужно передать паспорта трех инструкторов спецгруппы для оформления документов. Как мне это сделать?

– Здравствуйте, Михаил Семенович. Паспорта можете оставить водителю, он передаст. Что-то еще?

– Передайте, что инструкторы согласны, будем работать. Все идет как задумано.

– Хорошо, передам.

– Отбой!

Я воткнул трубку на место, откинулся в кресле. Ну вот, процесс пошел. Теперь надо ждать, когда достроят базу, а пока заниматься своими делами – написанием книг, записью песен, ну и... жить! Не вся ведь жизнь только в работе! Хочется и в город сходить, в ресторане посидеть, потанцевать с красивой женщиной – благо, что у меня их теперь две, моя телохранительница-домработница Настя и мой секретарь и переводчица Ольга. С Ольгой я сплю, с Настей – нет.

Хотя иногда... хмм... она мне снится. Валькирия, как ее называет композитор Никита Богословский – она больше ста девяносто сантиметров роста и похожа одновременно и на Бриджет Нильсен, и на Гвендолин Кристи. Ростом и сложением она все-таки ближе к Гвендолин, а вот лицом – Бриджет. Красивая – до изумления, особенно после того, как я буквально приказал ей сделать короткую прическу – именно под Бриджет. Волосы ей подкрасили, сделав золотистый оттенок, одежду хорошую сшили, косметики дорогой в «Березке» накупили – теперь от нее глаз не отвести! И никогда не подумаешь, что ходит она с двумя пистолетами сразу, на предплечье таскает узкий обоюдоострый нож, а в сумочке у нее короткая тяжелая дубинка.

Кстати, дубинку я ей приказал с собой больше не брать. Не нужна она. Лишний вес, а толку от нее немного. Пистолеты и нож – этого хватит за глаза. Если только она не собирается этой самой дубинкой врезать по моему затылку. Почему по моему? Да мало ли чего следует ожидать от моего нынешнего начальства... сегодня я в фаворе, меня осыпают деньгами и прочими благами, а завтра я в опале, отберут все, что у меня есть и самого сунут в клетку. А кто должен следить, чтобы я не сбежал и пресекать такие поползновения? Вот то-то же...

Я не обольщаюсь. Дадут Насте приказ меня нейтрализовать – она это сделает не задумываясь. Потому что служит, потому что приказ вначале выполняют, а потом думают – правильный он был, или нет. Почему тогда я держу ее возле себя? А почему бы и нет? Во-первых, мне в самом деле нужна домработница, а Настя исполняет свои обязанности просто замечательно, и без малейшего в этом недовольства.

Во-вторых, она просто очень красивая, интересная и милая женщина – если забыть, какой она Терминатор. А я люблю окружать себя красивыми женщинами. Люблю, понимаешь ли, красоту, и не люблю уродство.

Ну а в-третьих... не будет Насти – пришлют кого-то другого. Или будут денно и ночью подслушивать и подсматривать. Пускай уж лучше Настя будет рядом, чем кто-то другой. Мне она нравится – и как женщина, и как просто человек – своим спокойным, незлобивым характером, трудолюбием и острым умом. Да, она очень умна – знает несколько языков, разбирается в литературе и музыке, играет на гитаре (как и Ольга), неплохо поет, и вообще – мечта любого мужчины, а не просто женщина! Опять же – если забыть про ее гигантский рост и могучее сложение. Хотя и это обстоятельство для многих мужчин явилось бы огромным преимуществом.

Кстати – «могучее» – это не синоним «толстая», «квадратная» и «приземистая». Все пропорции Насти соответствуют той же Нильсен – ногастая, с тонкой талией и круглыми бедрами. Никаких тебе особых могучих выпирающих мышц бодибилдера. Спортсменка-пловчиха, вот ее фигура, только попа точно не как у пловчих. У тех задницы вообще нет, мужское сложение, у этой же все на своих местах – грудь, попа, бедра. То-то Богословский как видит ее, прицокивает языком и укоризненно на меня смотрит. Он ходок еще тот, известный своим женолюбием. Но я его предупредил, что если она сломает ему руку или пару-тройку ребер – пусть пеняет на себя! Что по-моему его только раззадорило, как купание в бассейне с акулами. Адреналинчик кипит в крови, и хочется доказать, что ты чего-то стоишь.

Насте же было наплевать на всех, кроме своей работы, меня и Ольги. С Ольгой они как-то сразу подружились, уж не знаю, на чем сошлись, но когда Ольга не занята со мной, вечно зависает с Настей – о чем-то разговаривают, даже хихикают, хотя при мне Настя не позволяет себе такого открытого выражения чувств. Я как-то попытался узнать у Ольги – о чем они с ней разговаривают и что обсуждают (может меня?), но та технично ушла от ответа, мол, это женские дела, мне совершенно не интересные. Что проку мне, если я узнаю их бабские сплетни? Какие такие сплетни, рассказать тоже не захотела, только вкратце сказала, что она, Ольга, рассказывает о своей жизни, Настя вспоминает истории из своей, и вообще – Настя ведь *ей* рассказала, не мне, и как можно пересказывать доверенную тебе одной информацию, рассказывать о ней начальству? Коим для них обеих являюсь в настоящий момент я собственной персоной. И не будет ли это наушничеством и стукачеством?

В общем – я от нее отстал. Если бы было что-то на самом деле важное – скорее всего она бы мне сказала. А если они и обсуждают мужчин, которых они имели... или которые их имели? Неважно... В общем – если разговор даже обо мне – да мне плевать. Пусть обсуждают. Мне нечего стесняться, и в постели – тоже. Если и не размеров негра из порнофильма, то не посрамлю род Карповых – это на сто процентов.

Вот так теперь и живем – втроем, не муж и жены, и не совсем начальник и подчиненные. С утра ездим на студию звукозаписи, потом домой, и... я пишу книгу. Вернее – диктую. Два часа в день на книгу – это много. Как минимум половину авторского листа за день – как нечего

делать. Завидуйте, хейтеры будущего! Писайте кипятком, кидайтесь прошлогодним дерьмом! Да, я умею писать быстро и хорошо.

* * *

Этим утром я проснулся с ощущением праздника. Двадцатое апреля 1972 года, четверг. Весь народ страны в поте лица зарабатывает свой кусок хлеба (время десять часов утра!), а я валяюсь на кровати, потягиваюсь и смотрю в окно. Кстати, пора бы уже и кондиционеры поставить – на кухню и в спальню. Скоро жара начнется. Конечно, в высотке это не так заметно, стены толстые, но... привык я к холоду во время жары и своим привычкам изменять намерен. А на улице уже двадцать градусов! Теплынь! Солнце! Травка зеленеет! Ночью еще холодно, да, но днем уже просто лето.

Через два дня, двадцать второго апреля, в день рождения Ленина, мне будут вручать знак лауреата Ленинской премии. И на книжке Сберегательной кассы у меня прибавится еще десять штук денег. Это неплохо, хотя денег у меня и без того – куры не клюют. Миллион с чем-то там на книжке Сберкасс, и еще столько же (или даже побольше) – «чеками» Внешпосылторга. За эти чеки можно покупать в сети магазинов «Березка», и кстати сказать – есть у меня такая мысль – надо спихнуть чеки по любой разумной цене. Если все пойдет так, как планируется – скоро этими самыми чеками можно будет растапливать печи. Исчезнут «Березки», как исчезли они в моем времени, в моем мире. Эти магазины могут существовать только в условиях тотального дефицита. А когда каждый может купить все, что угодно... ну, тут понятно.

А пока что я сложил эти бумажки в сервант, и теперь они лежат там, увязанные ровными пачками. И пусть лежат. На днях придумаю, кому их сплавить. Мне такое количество чеков не нужно. Пустая бумага. Но если их продать – дадут они раза в два больше, чем их номинальная стоимость.

Вообще-то уголовщина чистой воды – спекуляция валютой. Как ни странно, эти самые чеки, или бонусы – они в Союзе приравнены к валюте, и за продажу их на сторону можно получить реальный срок. И очень даже серьезный. И нужно ли мне это?

Жаба душит? Да черт с ним, с этим миллионом... Вон, Ольге можно машину купить. Насте бонусов дать. Аносову. А можно и просто сдать назад в банк и обменять на рубли один к одному. Нет, не пропадут... А лезть в уголовщину стремно – всемирно известному писателю.

– Ты проснулся? – Ольга отдернула шторы, приоткрыла окно и в него полился свежий воздух вперемешку с городским шумом – Погодка-то, поет! Может сходим, погуляем?

– У меня есть лучшее предложение – может съездим? – улынулся, отбрасывая одеяло и садясь.

– Да мы и так видим жизнь только из окна автомобиля! – сделала грустное лицо Ольга, и вдруг встрепенулась – На кадиллаке?! О господи! Всю жизнь мечтала проехаться по нашим улицам на кадиллаке! Поехали! Ураа! А куда поедем?

– В Переделкино. Посмотрим на стройку. Улицы высохли, тепло, солнце – верх откроем!

– С открытым верхом... ооо... ааа! – застонала Ольга, изображая высшую степень удовлетворения, то бишь – оргазм.

– Беги, собирайся. И Насте скажи – скоро поедем.

– А позавтракать?

– Ну так... пару бутербродов. Потом в ресторан заедем, в «Узбекистан».

– Ура! Настя, Настя! Поехали! Собирайся!

Ольга умчалась, а я побрел в ванну, шлепая босыми ногами по паркету. Полы были идеально чистыми – Настя абсолютно, просто патологически чистоplotна. Любая соринка вызывает у нее можно сказать неадекватную реакцию – схватить и в мусорное ведро! Я как-то не выдержал, и спрашиваю: «– Настя, ведь ты лазила по джунглям, в грязи, немытая неделями!

Пиявок с себя снимала! Одежду не меняла тоже неделями! Откуда у тебя такая патологическая любовь к чистоте?!»

Настя посмотрела на меня серьезно, своим странным взглядом – будто видит она не меня, а что-то за мной, что-то, прячущееся в тенях, и чуть улыбнувшись, ответила: *«Потому и люблю чистоту, что неделями и месяцами валялась в грязи. Это, понимаете ли, прививает любовь к чистоте. Начинаешь люто ненавидеть грязь!»*

Мы собрались за час. Пока я позавтракал, пока девчонки оделись – вот час и прошел. А мне одеваться особо и нечего – свитер, джинсы, джинсовая куртка. Я себе не изменяю, наряд простой и... по нынешним временам вполне даже презентабельный. В Советском Союзе джинсы – что-то вроде фетиша. Или идолища поганого. На него молятся толпы и толпы молодняка, не понимая, что не в джинсах счастье. И даже не в их количестве. Вот получили мы джинсы в конце восьмидесятых, в девяностые... много получили, и не только джинсов. И что? Счастливы стали?

И колбасы стало много – да только ее есть невозможно. И сосиски в каждом киоске, да только они из бумаги. И машины теперь в каждом доме, и не по одной – а счастье где? В машинах?

Когда гурьбой выходили из квартиры, едва не наткнулись на женщину, выходящую из лифта. Она даже чуть вздрогнула, когда я подошел к ней справа и поздоровался:

– Здравствуйте, Галина Сергеевна!

– Ой! Миша, вы меня напугали! – засмеялась она – Я так задумалась, что совсем потерялась в своих мыслях.

– Простите! – улыбнулся я, взял ее руку и поднес к губам. Он смущенно отдернула укрытую тонкой нитяной перчаткой сухую, сильную руку балерины:

– Ох, Миша! Вы как всегда невероятно галантны! Но я этими руками трогала дверные ручки, а они могут быть покрыты болезнетворными микробами!

– Микробы не выдержат вашего сияния, великая балерина! – торжественно заявил я – Они сразу умрут в мучении, поскребывая своими лапами по металлу дверных ручек!

– Фу! Я так и представила умирающих зверюшек-микробов! – звонко расхохоталась Уланова – Миша, вот умеете вы владеть словом, да и все тут!

– Как настоящий писатель, да? – ухмыльнулся я.

– Ага, точно! – снова рассмеялась балерина, и тут же поприветствовала моих спутниц – Оленька, привет вам! Давно не виделись! О! Представьте меня этой прекрасной девушке! Милая, вам никто не говорил, что вы красавица? Горячие мужчины не пристают? Вы просто мечта джигита!

– Постоянно пристают – с легкой улыбкой ответила Настя – Но обычно все заканчивается малыми травмами. Максимально – сломанная рука.

– Вот это да! – искренне восхитилась Уланова – И кто эта прекрасная незнакомка, друзья?

– Это моя домработница Настя – определил я статус моей «Бриджет», и тут же с усмешкой добавил, косясь на бесстрастное лицо Насти – А еще, она моя телохранительница. Хранит мое тело от голодной смерти и всяких других напастей.

– Да, Миша – с непонятной интонацией протянула Уланова – Умеете вы окружать себя красотой! К вам красивые женщины так и липнут!

– А еще Настя хорошо поет, играет на гитаре и вместе с Олей записала несколько песен. Бэк-вокалистка, или как у нас говорят – на подпевке. Кстати, скоро выйдут два диска с нашими песнями, я вам обязательно подарю!

– Обязательно, Миша, обязательно! – серьезно кивнула Уланова – Это настоящая музыка! Я хочу, чтобы у меня были ваши песни. Вы еще пишете песни?

– Честно сказать – пока ни до чего – признался я – Записали песни, параллельно книгу дописывал, новую начал... не до написания новых песен было. Сегодня вот решили устроить

прогулку по городу, в ресторан сходить, просто погулять. Может, за город съездим. У меня там дача строится, хочу посмотреть, что там происходит.

– Дача? В Переделкино? – удивилась Уланова – Это не про вашу дачу там ходят легенды? Сломали старую дачу и на ее месте построили что-то эпическое, средневековый замок! Днем и ночью работают, как муравьи! Все гадают – что это может быть, правительственный объект? А это вы там дачку себе строите... ну и ну...

– Только – тссс! Ладно? Не хочу, чтобы лишние знали. Это я вам, по свойски, а то слухи пойдут. Что касается насчет скорости постройки – деньги решают все. Я же не бедный человек, вот и строят быстро.

– Ага... военные строители – усмехнулась Уланова – Но да ладно, ваше дело. Вы будете отбиваться от завистников, так что вам и придумывать. Ну что же – удачного вам похода! Отдыхайте! Я тоже сегодня отдыхаю, но для меня лучший отдых – посидеть в кресле с книжкой. До свидания, друзья!

Уланова помахала нам рукой, мы дружно простились и я нажал на кнопку лифта, который уже успел уехать вниз, пока мы беседовали. Лифт приехал через минуту, лифтер приветливо поздоровался, едва не взяв под козырек (все лифтеры, сторожа и консьержи в этом доме или бывшие менты, или военные).

А вот менты взяли под козырек – те, что сидят на входе. Интересно, какие здесь обо мне ходят легенды... с удовольствием бы послушал эту «Калевалу».

Уже когда подходили к гаражу, вдруг подумалось – черт подери, а ведь аккумулятор может быть и разряжен! И что тогда делать? Машина простояла месяц без движения!

Но беспокоился я напрасно. Умели делать вещи в семьдесят первом году! Пыльный, и будто уснувший навсегда кадиллак завелся с пол-пинка и тихо, грозно зарокотал, зашелестел могучим движком. Да, эти машины сто очков вперед дадут машинам из двухтысячных! Эти делались так, чтобы на них ездили несколько поколений владельцев, не то что одноразовые как пипифакс «тачанки» будущего!

– Грязная какая! – поморщилась Ольга и вздрогнула, когда из-за ее плеча раздался хрипловатый мужской голос:

– Пыль летит! Замучила совсем! Давно не ездили, вот и грязная! Здравствуйте! А я-то думаю – посмотрю, кто и чего тут ходит? А это вы!

Сторож, само собой. Я уже видел его.

– А это мы – улыбнулся я, и протянул руку – Здравствуйте. Вот, решили покататься. Погода шепчет!

– Точно! Шепчет! Наливай и пей! – хохотнул мужчина и заговорщицки подмигнул – Хотите помыть машину?

– Эээ... честно говоря – нет! Холодно и грязно! – слегка растерялся я, не поняв, но сторож улыбнулся:

– Да нет! Не сами! Я щас покричу пацанам, подрабатывают на мороженое. За трешку они вам все машину вылижут! Только надо будет отъехать – я покажу место, куда. Вымоют, не пожалее!

– Хорошая тема! – кивнул я – кричите. Девчонки, подождем немного? Зато на чистой машине поедem!

«Девчонки» конечно же были не против, так что уже минут через двадцать нашу машину со всех сторон оглаживали три пары рук. Мальчишки лет четырнадцати от роду работали споро, аккуратно, со стиральным порошком и губками. Молодцы. Вымыли и снаружи, и сиденья протерли – все, как положено. Машина сияла чистотой и просто-таки просилась в дорогу!

– Спасибо! – кивнул я старшему, худому жилистому парнишке, его звали Витькой – Держи пятерку!

– О! Ништяк! Пятерик! Спасибо! – радостно кивнул парнишка, и вся троица унеслась в сторону Москва-реки, болтая пустыми ведрами, на краю которых висели мокрые тряпки. Вот такой бизнес советского времени.

Мы погрузились в наш кадди, и медленно, плавно поехали вдоль по набережной Москва-реки. Погода достаточно теплая, но все-таки не лето, потому пришлось все-таки поднять боковые стекла.

Ох, кадди! О таком космическом корабле не может мечтать ни один советский человек! Простой человек никогда не сможет его купить только потому, что ни денег не хватит, ни привезти такое чудо не позволят.

Чиновник, даже крупный, не купит «кадиллак» потому, что это будет сочтено нескромностью, да и опять же – откуда деньги?

Цеховики... ну эти бы наверное купили – чтобы выехать на дорогу где-нибудь в Ереване, под восхищенные возгласы менее удачливых соседей. Но кто же им его продаст?

Эта машина в 1972 году на самом деле чудо инженерной мысли. Восьмилитровый движок мощностью в четыреста сил, подсветка порогов для ночи, автоматическое включение фар в темное время суток, круиз-контроль, автоматическая коробка передач, климат-контроль! В 1972 году – климат-контроль! Крыша открывается автоматически – нажал кнопку, и... рраз! Готово! Ремни безопасности – их начнут ставить в СССР на все автомашины только в 1979 году. А тут уже есть! В общем – нельзя сравнить ни с одной машиной сделанной здесь, в этой стране. Танки мы делаем лучшие в мире, а машины у нас как были, так и есть – полнейшее дерьмо.

Помню шутку еще советских времен: *«Если тихой майской ночью загнать «жигули» в лес, то прислушавшись, можно услышать, как они гниют»*. На мой взгляд, единственной удачной машиной советского автопрома была «нива», да и у той «косяков» выше крыши. Впрочем, и удачной ее можно назвать только с большой натяжкой. Ломучая, жрущая бензин, неудобная. Единственное достоинство – хорошая проходимость.

Мимо нас проносились машины, люди в которых сворачивали себе шеи, выглядывая в окно. Когда обгоняли троллейбус – весь народ выставился в окошки, показывая на нас пальцами. А мы ехали – важно, спокойно, вроде как ничего не замечаем! В этом времени иномарка – это нечто подобное летающей тарелке, спустившейся с небес, но еще и кабриолет?! Это я даже и не знаю, с чем сравнить. Чудо! Настоящее чудо! *Кадиллак!*

– Я чувствую себя голой! – пробормотала румяная Ольга, нарочито глядя перед собой, на дорогу – Они меня рассмотрели во всех подробностях и даже заглянули мне под одежду! Давайте закроем верх? Что-то мне не по себе.

– А мне нравится! – внезапно высказала свое мнение Настя, которая обычно помалкивала – Хорошо!

Я обернулся к своей домработнице, и увидел, что она закрыла глаза и улыбается тонкой, едва заметной улыбкой. Верх ее коротких светлых волос развеивает ветерок, который проносится над головой, а лицо жадно ловит солнце. Да, ей явно было хорошо.

Грохот. Авария! Мотоциклист на мотоцикле с коляской загляделся на нашу машину и сходу врезался в стоявшее у обочины такси-москвич.

Я притормозил, остановился на обочине, проехав место аварии, заглушил машину и выскочил, крикнув девушкам:

– Сидите! Я посмотрю, что там и как! Вдруг помочь надо!

Мотоциклист сидел на земле, обалдело смотрел по сторонам, хлопая ресницами, а возле него стоял и виртуозно матерился водитель такси, глядя на разбитый габаритный фонарь и на помятую крышку багажника.

– Мать твою...! У тебя глаза повылезали, дол... б ты...?! – и все в таком духе. Мотоциклист не отвечал, видимо находясь в шоке, и я тут же спросил, подойдя поближе и осматривая его со всех сторон:

– Ты цел? Ничего не сломал? Скорая не нужна?

– Вроде цел... – поморщился мотоциклист – Только ушибся. Засмотрелся на это чудо без крыши, вот и влетел... Извини, браток! (это он таксеру) Давай договариваться! Виноват, чо уж там! Оплачу, гайцев не зови!

Я не стал ждать, чтобы узнать, как они там договорятся, пошел к машине. Цел – да и слава богу. А когда подошел, обнаружил возле машины толпу зрителей, собравшуюся буквально за считанные минуты. Люди стояли от машины шагах в трех и обсуждали ее технические особенности, жадно разглядывая внутренности кадди и сидящих в нем девушек. И что еще заметил – народа прибавляется, как если бы с горы по мокрому снегу пустили маленький снежок. Через минуту по склону уже скачет здоровенный снежный шар, который способен поглотить человека, и не одного.

Надо было быстренько отсюда валить, потому что люди переходили улицу и шли к машине, чтобы как следует поближе ее рассмотреть. Эдак, через пять минут мы окажемся в тесном кольце зевак, и чтобы покинуть место парковки придется приложить немалые усилия. Любопытный у нас народ, да, но тут случай особый, и я их понимаю. Белый кабриолет, «кадиллак», в 1972 году, за железным занавесом – это просто фантастика!

Прыгнув на водительское сиденье я под внимательными взглядами толпы, состоявшей уже не менее чем из тридцати человек завел двигатель, поставил рычаг включения коробки передач в положение «Драйв», машина всосала в себя воздух, как бегемот перед погружением на дно озера Танганьика, и белым кораблем двинулась вперед, отпугивая с дороги «москвиченка», катящегося чуть левее, и газ-69 со ржавой, облупившейся задней дверцей, на которой отсутствовало запасное колесо. Я добавил газу и «кадди» рванул вперед как торпедный катер, едва не прокрутив под собой свои большие колеса. Но не прокрутил, ибо привод у него передний, а могучий движок придавливает шины к асфальту своим совсем даже немаленьким весом. В этом времени блоки движков еще не дурацкий одноразовый силумин. Здесь – честный чугун, который вполне спокойно можно проточить на многих и многих ремонтах. Весит – как чугунный... хмм... движок.

Мда... понты требуют жертв! Хотел попонтиться, прокатиться по Москве на белом «кадди», вот теперь терпи! Посмотрел на девчонок – они, как ни странно, улыбаются. По-моему это в крови у женщин – любовь ко всеобщему вниманию.

– А нас фотографировали! – расслабленно улыбаясь сказала Ольга, оглаживая волосы на голове. Ветер поверх лобового стекла едва касался ее волос на макушке, а вот Насте доставалось побольше.

– Кто фотографировал?! – насторожился я, сразу посерьезнев и соображая, во что это все выльется.

– Корреспондент – так же томно сказала Ольга – Вроде как Вечерней Москвы... или Известий... не знаю. Он людей растолкал, кричал, дайте дорогу корреспонденту! И давай нас щелкать.

– И ты не сказала? – поморщился я.

– А что бы ты сделал? Убил бы его? Разбил бы фотоаппарат? Да пусть фотографирует... мы что, украли чего-то? Скрываемся?

Я хмыкнул и ничего не ответил. И правда – а чего сделаешь? Пленку если только выдрать. Но это скандал, еще и милицию вызовут. Отобьемся, конечно, но зачем нам такая скандальная репутация? Черт бы с ними... шелкоперами!

Дальше, дальше по улицам города! Рвемся за город!

Впрочем «рвемся» сказано слишком уж пафосно и не соответствующе действительности. «Рваться» особо и не приходится. Машин – просто смешное количество! Как в Москве двухтысячных ночью под утро. Да и эти из смешного количества – оглядываясь на нас тут же убиваются с дороги – не потому, что пугаются, в этом времени еще не научились бояться дорогих машин, вернее, их «содержимого» – просто притормаживают, и начинают разглядывать белую диковинку, сияющую лаковым покрытием. Походит на то, как если бы по морю плыл линкор в сопровождении толпы кораблей охраны – эсминцев и крейсеров.

Я даже слегка раздосадовался – ну дикая же картина! Только представить – по проспекту несется белый кадиллак, за ним, запрудив дорогу, стая машин всех видов и расцветок – штука двадцать, не меньше! И никто не обгоняет – все или сзади, или норовят пристроиться рядом!

В общем – я вдавил педаль газа в пол, «кадди» утробно засопел, взвыл кик-дауном и рванул вперед, отрываясь от своего эскорта. За считанные секунды мы набрали скорость сто пятьдесят километров в час, оставив позади стаю преследователей.

И... по закону подлости – менты! Бегут с палочкой! Неужто, радар?! В 1972 году – радар?! Точно. Их как раз с этого года и ввели у гаишников.

Подтормаживаю, останавливаюсь у обочины. Мой «эскаорт» наконец-то догоняет меня, машины медленно проезжают мимо, некоторые паркуются у обочины и выходя из машины начинают стягиваться к месту происшествия.

– Нарушаете, товарищ! – лихо вскидывает руку к виску молодцеватый молодой лейтенант, и тут же глаза его расширяются, как если бы он увидел нечто совсем удивительное – Товарищ Карпов! А я вас сразу и не узнал!

– Богатым буду – улыбаюсь я и протягиваю лейтенанту приготовленные заранее «права» и регистрационный талон.

– Да что вы... не нужно! Вы это... поосторожнее! – сбивчиво говорит лейтенант, жадно разглядывая внутренности машины и сидящих в ней девушек – А то ненароком в аварию попадете!

– Убегал от них, лейтенант! – я показываю на остановившиеся машины и на собирающуюся рядом толпу – народ как с ума сошел! Гнались за мной, как на кольцевых гонках! В кои века выехал с моим... хмм... рабочим коллективом выехать покататься, отдохнуть, и видите, как оно вышло? Извините, впредь буду соблюдать правила.

– Да уж... пожалуйста, соблюдайте! – повышает голос лейтенант, и подмигнув мне, громко кричит – Товарищи! Чего собрались! Чего нарушаете?! Освободите дорогу, а то сейчас прав лишитесь! Ну-ка, разбежались все!

Как ни странно, народ слушается, и толпа медленно начинает рассасываться. Лейтенант улыбается и тихо говорит:

– Красивая машина. И... коллектив ваш красивый! Счастливой дороги, товарищ Карпов! А книжки у вас классные! Я по благу достал, так ночь не спал – все читал! Вот откуда вы все это берете?! Описываете так, будто сами там и были!

– А я и был – меланхолично поясню я – Просто перенесся сюда из мира магии. Я ведь колдун...

Лейтенант ошарашено на меня смотрит, потом понимает и смеется:

– Шутите, да? А не подпишете мне книжку? У меня в машине есть!

– Тащи, лейтенант – киваю я – Подпишу, конечно.

Лейтенант рысью бежит к желтому патрульному москвичу, и вот уже в его руках первая книжка серии «Нед». Авторучка у лейтенанта нашлась (само собой, а чем протоколы писать?), и я пишу на корочке книги: «Александр Денисову от автора, с уважением. Москва, 1972 год» И подпись. Лейтенант в восторге, говорит, что коллеги обзавидуются! Мы «ручкаемся», я сажусь за руль и еду дальше, думая о том, что наверное зря все-таки поехал на кадиллаке. Уж больно хлопотно получилось!

Теперь я не превышаю, и на двух попавшихся по дороге постах ГАИ милиционеры только провожают меня взглядом и показывая вслед нам пальцами. Эскорт тоже рассосался, хотя отдельные машины все-таки тащатся рядом и в кильватере, но уже не так надоедают, как раньше. Ну и слава богу... а то уж очень стало напрягать.

Выехали загород, понеслись по трассе. И та же история – люди оглядываются, смотрят, как на летающую тарелку. Ох, нет... для меня это слишком, не люблю я лишнего внимания окружающих. Инстинкт кричит: «Прячься! Маскируйся! Не высовывайся!»

К стройке подъехать не сумели. КПП! Солдат с автоматом наперевес вышел из будки:

– Стой! Дороги нет!

– Парень, вообще-то там моя дача – попробовал я подергаться. Но парнюга с погонами ВВ только дернул автоматом:

– Проезжайте назад! Дороги нет!

Достаю удостоверение, которое взял на этот случай:

– Смотри сюда! Дай проехать!

– Ничего не знаю! Назад!

– Позови старшего! – пытаюсь я утихомирить постового, но он снимает автомат с плеча и передергивает затвор:

– Назад!

– Эй, малыш! – слышу я знакомый голос, смотрю вправо и вижу улыбающуюся улыбкой Медузы Горгоны Настю – Убери автомат! Тебе полковник КГБ предъявил удостоверение! Как ты смеешь направлять на него оружие?! Старшего сюда, быстро!

– Стоять! Стрелять буду! – в глаза постового плещется безумие. Ощущение, что он совсем спятил – и в самом деле, почему бы ему не позвать старшего? Телефон в будке есть, я вижу провод брошенный по столбам вдоль дороги.

– Ладно, пусть будет как ты хочешь – вздыхает Настя, и ее рука выбрасывается вперед! Автомат схвачен за ствол, движение, и он уже в руках девушки! Еще одно молниеносное движение, и приклад врезается в челюсть парня. Глаза его закатываются, он оседает на землю.

– Вот так... – удовлетворенно выдыхает Настя – смеет направлять на вас оружие, придурок!

Она берет парня за шиворот одной рукой и легко, как сумку с картошкой, заволакивает часового в его будку. Бросает парня на пол, привычно-ловко отщелкивает магазин «калашникова», выпускает его из рук, передергивает затвор, и отправляет автомат следом за магазином и вылетевшим из патронника патроном. Готово.

– Я сейчас подниму шлагбаум, вы проезжайте. Потом поставлю на место! – так же бесстрастно-спокойно как обычно сообщает Настя и я двигаюсь к машине. Секунды, и кадиллак уже за шлагбаумом. Еще несколько секунд, и Настя уже в машине, сидит, как ни в чем не бывало. Будто минуту назад не уложила на землю здорового вооруженного бойца.

Впрочем, ехать нам было совсем недалеко, дорога кончалась через четыреста метров возле здорового вагончика-бытовки, покрашенного в зеленый цвет – как и все автомашины с кунгами, стоявшие возле него. От КПП, где сейчас мирно «спал» тупорылый постовой их не было видно – прикрывали деревья.

Людей я не видел – до тех пор, пока из вагончика не высунулся парень в солдатской форме, вытаращил глаза, замер на месте с открытым ртом и снова исчез за дверью. И тут же из вагончика полезли солдаты – человек десять, не меньше! С автоматами наперевес! Рожи озабоченные – ну как же, шпионы прикатили прямо на секретный объект, да еще и на типичном шпионском агрегате – кадиллаке! Впрочем, скорее всего они не знали марку машины, но то, что машина иностранная – тут никаких сомнений не было.

– Стоять! Стрелять буду! Стоять...! Стрелять...! Стоять...!

Вот мать-перемать... эдак порешат прямо на месте, и фамилии не спросят!

– Оля, выпусти меня – спокойно сказала Настя. Дело в том, что для того чтобы выйти из двухдверного кадиллака с заднего сиденья нужно обязательно выйти переднему пассажиру. Или водителю. Тогда спинка откидывается и пассажир сзади нормально вылезает. Ну... условно-нормально. Потому что протиснуться в щель между сиденьем и бортом не так уж и просто, тем более что мешает ремень безопасности – его надо отстегнуть. Впрочем – можно и через борт, когда открыт верх.

Все время, пока происходил процесс извлечения Насти из салона машины, солдаты с живым интересом наблюдали, как вылезла вначале одна девушка – в короткой юбке и красивой блузке, копия актрисы из «Кавказской пленницы», Натальи Варлей (а ноги у нее лучше, чем у Варлей – стройнее и длиннее!), а потом высоченная, но не менее красивая блондинка в брючном серо-голубом костюме, под которым угадывалось стройное тело со всеми выпуклостями в нужных местах. Блондинка спокойно одернула модный пиджак, потом протянула руку вперед и показала солдатам что-то красное, какую-то книжицу:

– Здравствуйте. Я офицер Комитета государственной безопасности. Пригласите вашего старшего. Лучше офицера.

– Он на объекте! – растерянно сказал сержант, стоявший впереди, и опустил ствол автомата.

– Пожалуйста, посмотрите мое служебное удостоверение – Настя шагнула вперед и почти ткнула в лицо сержанта этим самым удостоверением – Нет, руками не берите. В руки не дается. Итак, вызовите сюда старшего. Скажите, что приехал начальник объекта для ревизии процесса строительства.

– Есть! – сержант отдал честь, и крикнул в толпу – Гусаков, Малыгин, быстро за полковником и майором! Слышали, что сказано?! Быстро! А вы, товарищи, побудьте здесь. У нас приказ – никого на объект не допускать, ни при каких обстоятельствах.

– Это потому вы все скопились в дежурке, а на КПП оставили одного олуха? – осведомился я, вылезая из машины – Это что за несение службы? Это что за сброд такой?

– Нормальный сброд – угрюмо буркнул сержант – А что такого-то?

– Что такого?! – взбесился я – А какого черта вы на пост поставили идиота, который вместо того, чтобы сообщить о приехавших на объект людях начал целиться в нас из автомата? Вместо того, чтобы просто позвонить! А вы? Все влезли в вагончик, и сидите в нем, чай гоняете? Вот же сволочи! Вас можно было бы там запереть и сжечь всех, до одного, скоты вы чертовы! Ну, я вам устрою, ослы вы навуходоносорские! Фамилия, быстро!

– Нечипорук... сержант Нечипорук! – совсем уже помрачнел сержант – Товарищ...

– А тебе не надо знать, какой я товарищ! Тем более, что тебе я не товарищ! – отрезал я.

– Что тут происходит? – прозвучал командирский басок, и пред моими глазами появился человек с майорскими погонами. Он выглядел по домашнему – пуговица рубашки расстегнута, галстук болтается между полами расстегнутого кителя, на штанах, давно требующих глажки – наколенные пузыри. Мужичку лет сорок с небольшим, и похоже что остаток лет до пенсии он решил провести с комфортом и в покое. То бишь с водкой. Пахло от него свежим спиртным, а глазки блестели так, будто он только что плакал над погибшей комиссаршей из «Оптимистической трагедии».

– Кто такие?! Кто разрешил допустить гражданских на охраняемый объект?! – гаркнул майор, и не обращая внимания на шагнувшую к нему Настю, приказал – Взять под стражу шпионов! Связать! Сообщить в особый отдел!

– Майор, вы....

– Молчать! – майор аж покраснел от натуги, икнул, и до меня донеслась волна запаха лука и водки. Похоже, что его только что оторвали от обеда.

Солдаты обступили нас со всех сторон, двое попытались схватить Настю под руки, и тут же отлетели от нее, как сбитые кегли. Она не применяла специальных приемов, не была

в хитрые места – это было похоже на то, как если бы некая толпа идиотов-охотников решила взять, да скрутить медведя. Или даже нет – помню, читал: Джеральд Даррелл описывал, как вез на грузовом самолете молодого самца гориллы. Подростка. И тот каким-то образом умудрился выскочить из клетки. Так вот несколько здоровенных взрослых мужиков по сто килограммов весом разлетались в стороны, будто куклы – отброшенные рукой горилленка.

Она была невероятно быстра. Вот только что солдаты берутся за ее руки, и через долю секунды – громкий стук, как палкой по дереву. Такой звук возникает, когда стучается один череп о другой. Содержимое черепов сотрясается, что неминуемо вызывает классический нокаут.

А потом пошла потеха – еще секунда, и снова валятся два солдата, Настя двигается дальше, но смотреть на происходящее мне было некогда – пришлось поработать и самому. Майор, придурок, вцепился мне в левую руку, а сержант Нечипорук – в правую, повиснув на мне мертвой тяжестью. Через мгновение сержант полетел на землю, а майор получил хороший такой апперкот в солнечное сплетение, после чего согнулся вдвое и вывалил на дорогу весь свой недавно поглощенный обед.

Я мельком на него посмотрел, увернулся от удара прикладом и отправил в нокаут очередного нападавшего. Посмотрел по сторонам – все, тихо.

– Настя, вяжи их! – приказал я, увидев рядом с вагончиком кучу гнутой алюминиевой проволоки – штык-нож возьми у кого-нибудь из них, и вяжи. А я этим придурком займусь!

Я с размаху поддал ногой в живот поднимающемуся на ноги майору, и тот свалился на бок, дергаясь и снова пытаясь поблевать. Кстати – я заметил у него на поясе кобуру, и то, что рука шалуна тянулась именно к ней. Пришлось забрать у него оружие и сунуть в карман – обычный штатный «макаров».

На увязку пленников ушло минут десять – достаточно быстро, если учесть количество народа. Штык-ножи кромсали грязную, испачканную землей проволоку (И откуда они ее выдрали?! Видать экскаватор зацепил. Или тюки какие-то увязаны были?), а мы споро, в три пары рук вязали бедолаг. Но вот, все было закончено. Я заглянул в вагончик – и в самом деле, вся эта орава сидела и пила чай. Открытые банки с тушнякам, хлеб, лук, сало, конфеты. Где-то рядом видать разжились, у селян? Впрочем – мне это не интересно.

Собрали автоматы и побросали их в вагончик – нельзя, чтобы валялись на виду, вдруг кто сопрет?

– Костюм тебе не повредили? – спросил я у Насти, которая следовала впереди как грациозная самка жирафа.

– Нет. А то бы я их точно убила! – хмыкнула Настя, и я поверил – точно, убила бы! Как она справилась с этими бедолагами – просто отпад! Даже задумался – а я сам-то с ней справлюсь? Семичастный сказал в разговоре, что Настя своего убитого мужа вытащила на себе... по джунглям, по грязи... Сильна – это не то слово! Мутант какой-то, ей-ей...

Мы прошли по дороге мимо вагончика и машин, дошли до строительной площадки. Основной дом уже стоял – из красного кирпича, настоящая крепость! Внутри слышались голоса – видать, шла отделка. Возводились и казармы – их уже подводили по крышу. Тира не было видно, он был уже засыпан землей, виднелся только вход.

Судя по всему – работы еще предстояло выше крыши, и окончанием здесь пока еще и не пахло. Хотя процесс продвигался довольно-таки быстро.

Печально. Это – печально. Хотелось быстрее начать работать. Чую, что в воздухе пахнет грозой. Если что-то и начнется, то это скорее всего после августовского съезда партии, так что до тех пор надо хоть немного натренировать бойцов спецподразделения. Сейчас я как раз освободился, работы стало меньше, так можно было бы как следует заняться подготовкой боевиков. И кстати – самому потренироваться. Я ведь уже сколько времени не занимаюсь?

Больше месяца! Если не считать домашней гимнастики – никаких больше тренировок. Эдак и форму можно потерять...

Начальство строительства искать не стали – на площадке грязно, размесили – можно и ботинки в грязи оставить. Лазить по этому болоту не было никакого желания. Посмотрели издали, я составил мнение об уровне производимых работ, и мы отправились обратно. Часть бойцов, когда мы шли мимо уже очнулись, шипели и матерились, глядя на нас с земли. Сержант, который тоже очнулся потребовал, чтобы мы их развязали, но я сказал чтобы они подобрали с земли штык ножи и сами себе помогли. И поехали дальше.

Настю в этот раз усадил рядом с собой, не обращая внимания на недовольную мордашку Ольги. Мне нужно было, чтобы Настя могла выскочить из машины как можно быстрее. Если понадобится, конечно.

Боец на КПП так и не очнулся, и ноги его в «кирзачах» торчали из будки наружу. Да и не удивительно – мы и были-то на объекте всего ничего, минут пятнадцать-двадцать. Или чуть больше. А досталось парню крепко.

Шлагбаум открыт, и «кадди» шуршит по асфальту, время от времени стучая колесами по выбоинам сельской дороги. Сельская-то сельская, но асфальт! Здесь непростые люди живут, в этом Переделкино. Скоро и мы тут будем жить...

Глава 2

– Все-таки посадила пятно! – Настя поморщилась, и показала на маленькое красное пятнышко на блузке возле выреза – В химчистку надо!

– Ничего страшного, застираешь, ничего не видно будет – деловито сказала Ольга, осматривая грудь соратницы. Они обе сидели на заднем сиденье – Ольга за мной, Настя справа.

– Хорошо, что не стала стрелять! – сказал я, оглядываясь назад.

– Да с чего я стрелять-то буду? – удивилась Настя – Оболтусы, конечно, но они же свои. Не враги какие-нибудь. Я им бошки могла пооткручивать, но не стала. Хотя если бы вам угрожала реальная опасность – не остановилась бы ни перед чем. Я должна сохранить вашу жизнь любой ценой. И своей – тоже.

– А майор с пистолетом, что, не реальная опасность? – поддразнил я.

– Да какая он опасность... против вас-то?! Я видела ваши бои с Мохаммедом Али, и знаю, чего вы стоите в поединке, так что... главное было – не испачкаться! У них еще и руки жирные были! Костюм боялась испачкают!

– Да, это страшная опасность! – задумчиво сказал я, притормаживая у перекрестка и пропуская пыхтящий, скрипящий всеми сочленениями пригородный автобус-ПАЗик. Из автобуса опять на нас смотрела толпа людей, но я похоже что начал к этому привыкать. Человек, как показала история, ко всему может привыкнуть. И к раю, и к аду...

Ольга вдруг захихикала после моих слов, а сквозь смех выдавила из себя:

– А я тоже одного свалила! Я ему яйца отбила, когда он на Настю замахнулся сзади! Хотел ее прикладом стукнуть! Вот!

– Моя спасительница! – серьезно сказала Настя – Когда ты за спиной, мне никто не страшен!

Они вдруг обе захихикали, чего от Насти я никак не ожидал – привык к ее невозмутимости и безэмоциональности, так что и сам вдруг разулыбался, хотя смешного вообще-то было мало. Программа строительства тормозится, охрана объекта поставлена из рук вон плохо, и вообще... надо что-то делать.

Что именно делать? Ну, во-первых, наклеузничать Семичастному. Пусть он их всех выведет и высушит.

Во-вторых, надо начинать работу с инструкторами, хотя бы в усеченном виде, хотя бы рукопашка и стрельба на полигоне. И где это делать? В Подмосковье есть учебки, я это прекрасно знаю, придется заниматься в них. И скорее всего там, где меня и готовили в свое время, в своем мире – Сенеж, закрытый военный городок. База спецназа ГРУ. Кстати, интересно, Семичастный догадался переподчинить себе спецназ? Сейчас он подчиняется военным, Генштабу, а не комитетчикам, и представляет из себя огромную силу. Помню, какой кровью закончился путч в Венгрии – погибли тысячи наших солдат, когда СССР ввел туда войска. А вот в Чехословакии все получилось просто замечательно – некий советский самолет запросил посадки в связи с неисправностью, а когда приземлился – из него выскочила толпа диверсантов и захватила аэродром, на который потом и приземлилась десантная бригада. А тем временем просочившиеся в Чехословакию спецназовцы по сигналу активизировались и захватили мятежное правительство страны, разом прекратив их сепаратистские поползновения.

Кстати – крепкий, сильный Советский Союз никогда бы не допустил того, что случилось с Украиной и другими бывшими республиками СССР. Не зря либерасты, пришедшие к власти в 90-е годы уничтожили спецназ ГРУ и его потом пришлось создавать заново. Если бы спецназу поставили задачу...

Так, хорошо – Сенеж. А как быть с секретностью? Придется светить и Аносова, и его подчиненных-инструкторов! Люди ведь видят – тренируется незнакомая группа. И что тогда будет? Слухи пойдут?

А какие слухи? Что пятеро спецов разучивают какие-то спецприемы? Увидят да, странные приемы, странная стрельба, не такая, какую дают им. И что? Спецприемы мало увидеть, надо еще рассказать, показать, как их делать. Указать на маленькие такие фишечки, до которых сам никогда не дойдешь. И кстати – большинство этих приемов спецназовцам вообще не годны. Это приемы убийц, киллеров, которые уничтожают «мишень» голыми руками – чтобы не нащупать. А вот спецназ ГРУ это другое дело. Да, они в рукопашной так сказать не лыком шиты, но у них главное – выносливость, сила, и... огневая подготовка. Их задача идти на штурм, брать дворцы и хижины. Наша – тихо пробраться поближе к противнику и бесшумно его убить. И для этого все средства хороши – от ножей до той самой «Стрелки», которую я выпрашивал у Семичастного. Хорошая штука! Отравленная игла, выстреливающаяся из авторучки, которой, кстати, можно и писать. Мечта убийцы!

В общем, разговор с Семичастным в моей голове уже сложился, и к тому времени, как мы подъехали к ресторану «Узбекистан» я знал, о чем буду с Председателем говорить в самое ближайшее время.

Швейцар угодливо распахнул перед нами дверь, согнувшись в поклоне – ну как же, на кадиллаке подъехали! Гардеробщик так же подобострастно улыбаясь принял мою куртку, отдав взамен номерок. Дал по рублю чаевых – чуть не в пояс согнулись, благодаря.

Можно было бы и не раздеваться, куртка-то джинсовая, но... и в свитере посижу. Ольга была в свитере и короткой юбке, Настя в брючном костюме – курток они вообще не надели, хотя я и настаивал – прохладно же.

Администратор повел нас к столику на четверых, а я пока шел, с интересом поглядывал по сторонам. Вот она, Мекка артистической тусовки! Вот он вождеденный рай, в который так старались попасть самые что ни на есть знаменитые люди, выстаивая в очередях у входа!

Да, однажды такая очередь в «Узбекистан» даже стала предметом написания стихотворения Высоцкого – он, Гурченко и Всеволод Абдулов долго стояли в очереди, пытаясь попасть в ресторан, были очень сердиты, что и вылилось в написания стиха:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
– Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, – уже едят.

Им объяснили, чтобы не ругаться:
– Мы просим вас, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это – иностранцы,
А вы, прошу прощенья, кто такие?

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
– Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, – уже едят.

Но снова объяснил администратор:
– Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это – делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
– Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, – уже едят.

Вспомнил все это, когда мы уже уселись за столик, а когда остались одни, стали выбирать блюда, тихо рассказал девчонкам эту историю. Ольга хихикнула, Настя улыбнулась.

Попросил у официанта бутылку шампанского – для девушек, сам пить не буду, за рулем. Себе заказал бараний шашлык на ребрышках, хрустящую картошку типа «фри», салатов, сладкого. Девчонки тоже набрали – лагман, плов, сладостей. Ну и чай – куда же без него.

Принесли шампанское – я разлил по бокалам, подумал, и себе плеснул в бокал, на самое доньшко. Чисто чтобы за компанию.

– Ну что, за что будем пить?

– За мир! – предложила Настя.

– За мир! – кивнула Ольга.

– За мир! И за нас, мирных людей! – протянул я бокал, и девчонки тихонько, но со звоном коснулись его своими бокалами.

Шампанское было ледяным, пузырьки ударили в нос. Я даже не выдержал, вытер его салфеткой – Ольга хихикнула:

– Мне тоже в нос ударило! – и потом добавила – Михаил Семенович... вон тот мужик все время на тебя смотрит. Ты его знаешь?

Еще бы я его не знал! Хе хе... сколько я полоскал его в своих постах в ФБ! Признанный гений! Кем признанный? А вот так – признанный, да и все тут. Справедливости ради – «Андрей Рублев», конечно, вещь хорошая, хотя я и не со всем там согласен. Но остальное... я ему «Пикник на обочине», то бишь «Сталкера» – никогда я не прощу. Помню мое разочарование, когда я смотрел этот фильм. Я матерился самыми черными словами – это надо же было ТАК изуродовать роман?! Один из моих любимых романов (тогда). Да и «Солярис» он снял так, что... в общем – Лему этот фильм очень не нравился. О чем он не раз и говорил. Мне – тоже не понравился.

– Тарковский это – пояснил я, отводя взгляд от чужого столика – Слышали про такого? Ну вот... это он.

Я не удивился, когда за спиной услышал незнакомый баритон, интересно растягивающий слова. Он говорил как-то... немного странно – вроде как нараспев. Такой говор я замечал у коренных москвичей, которые прожили в Москве всю свою жизнь. Он говорили вот так же, распевными фразами сливая слова в единое целое, типа: «дабожемооой...». Я сам-то с Поволжья, и говорю литературно правильным языком (хотя люблю и жаргонизмы, всевозможный сленг, и даже устарелые слова и выражения – «ради прикола»), потому слышать этот распевный говор было забавно.

– Здравствуйтееэ... Михаил Семеновыч?

Я обернулся, посмотрел на говорившего. Ну да, это он. Видимо заметил, что я на него смотрю и решил подойти.

– Простите, Михаил Семенович... я вижу, что вам еще не принесли заказ, набрался смелости и решил подойти. Они еще долго будут готовить – полчаса, не меньше, я знаю их способности, не могли бы вы мне уделить пять минут? Поговорить... так сказать тет-а-тет? Простите, девушки!

– Здравствуйте, Андрей... – я встал.

– Можно просто Андрей – Тарковский пожал протянутую ему руку.

– Можно просто Михаил. Хорошо, давайте сядем за свободный столик, если хотите. Хотя у меня от девушек особых тайн нет. Да и у нас с вами ничего такого... хмм... тайного нет. Чай не шпионы какие-то! Хе хе...

– Просто не хочу скучным разговором портить атмосферу вашего застолья – улыбнулся девушкам Тарковский.

– Хорошо, пойдете...

Мы сели у окна, благо что из-за дневного времени народа в ресторане было немного и столики процентов на сорок процентов. Вот почему лучше всего ходить в ресторан днем, а не вечером – если, конечно, хочешь просто поесть, а не потусоваться.

– Михаил... я разговаривал с Махровым по поводу съемок фильма по вашей книге «Звереныш». Он сказал, что у вас есть сомнения в том, что я смогу снять хороший фильм по этой книге. И еще сказал, что если вы согласитесь, чтобы я снимал этот фильм, финансирование съемок будет практически неограниченным. И что все зависит от вас. Ах да! Хочу поблагодарить – еще он сказал, что вы выступали за то, чтобы мне не перекрывали... хмм... дышалку, чтобы давали больше снимать. Вот я и решил с вами поговорить, благо, что подвернулся удобный случай – уж простите за мою настойчивость. Я ради дела, только ради дела!

Ага... ради дела... как услышал про «зеленую улицу» для фильма, так сразу и... Впрочем – может я просто злопыхаю? Заранее против него настроен?

– Так что вы хотите от меня услышать?

– Хочу услышать: Андрей! Я буду счастлив видеть тебя режиссером и сценаристом этого фильма! – Тарковский расхохотался, и я невольно улыбнулся, так заразителен был его смех. Так-то он был человеком интересным, заводным – судя по воспоминаниям современников. И сейчас я в этом убеждался.

– Андрей... у меня есть некоторые опасения на ваш счет – начал я, и Тарковский сразу посерьезнел – Вы такой серьезный режиссер, вы все время хотите сказать миру нечто такое, что его сразу же куда-то подвигнет. Или вернее – на что-то. А мой роман просто приключенческая сказка для взрослых. История мальчишки, который выживает и мечтает отомстить своим обидчикам. Да, там есть и философия, есть и мораль, но... если сравнивать с тем же «Андреем Рублевым»... ну вы меня понимаете. Мне нужен режиссер, который сумеет снять сказку! Яркую! Пышную! Не хуже голливудских фильмов! Чтобы зритель просто пищал, глядя на сражения, на фантастический антураж, на драконов, в конце-то концов! Там ведь – экзотические костюмы, старинные корабли, оружие древних веков, разумные собаки, разговаривающие драконы! Разве это ваше? Не обижайтесь, но по-моему вы привыкли передавать свои мысли не обращая внимания на авторские задумки, и самыми что ни на есть минимальными средствами. Эдакий фильм-спектакль. А тут... яркое, цветное, пышное! И я не хочу, чтобы фильм был создан по сценарию, в котором от романа остались рожки, да ножки. Вот мои мысли. Я ничего не имею против вас, но мне кажется, вы настолько далеки от фантастики, от фэнтези – так называется этот жанр – что просто не представляю, как вы, Тарковский, можете снять фильм по этому роману! Что это такое получится? Вас ведь тянет на философские драмы, а тут... блеск мечей, кровь, любовь, сумасшедшие приключения! Мне кажется, это не ваш жанр! Подождите... я не договорил. Я открою вам тайну: роман написан так, чтобы по нему можно было снять фильм, который понравится и западному зрителю. Что нравится людям на западе? Само собой – вначале всего пышность и красота антуража вокруг героя. Люди должны отойти от своей серой действительности и погрузиться в мир грез! Далее: любимый сюжет для западных читателей и зрителей – становление героя. Из маленького, униженного и забитого, он становится сильным и непобедимым воином, пройдя через массу испытаний и препятствий. И в конце концов мстит за гибель своих родителей. Именно это дорого для западного читателя, а не философские размышления и не видение режиссером своей миссии. Вот теперь я все сказал. И это мое видение проблемы.

Лицо Тарковского сделалось скучным, даже потемнело, но он явно не собирался сдаваться.

– Подожди... подождите! Кстати, Михаил, можно на «ты»?

– Да бога ради... я не сторонник чванства. На ты, так на ты.

– Вот сам смотри – а кто мне позволял как следует снимать фильмы? Мне резали, резали и резали финансирование! Мне постоянно вставляли палки в колеса – сам ведь знаешь! Эх, если бы мне дали снять так, как я хочу! Но что я мог сделать с такими жалкими средствами?! Вот ты сравниваешь с Голливудом. Но как можно с ним сравнивать, когда они, в отличие от нас, тратят средств столько, что... мы и мечтать о таком не можем! И это притом, что наши фильмы собирают полные залы! Огромные, огромные сборы! Ведь чтобы получить, надо вначале вложить, не так ли? Ты меня упрекаешь в серости... да, да – упрекаешь! И не ты один! Мол, и костюмы неяркие, и движения мало, одно философствование. А что мне остается?! Ну что, скажи?! При таких деньгах – только и философствовать! Ничего больше не остается! А тут... с твоим романом у меня есть шанс вырваться из серости, подняться на другой уровень, показать себя не только в Европе, но и в Штатах! Я читал роман. Он мне понравился, хотя кое-что я бы углубил, подправил... процентов на десять, не больше. Сделал бы поярче начальную сцену, добавил бы сцену прибытия корабля на материк, когда его встретили жители, думая, что прибыли купцы и потом началась резня. Показать вероломство прибывших. А так, в остальном и трогать бы не стал. Описано все ярко, сочно, видишь сцену – можно сказать, готовый сценарий для фильма. Весь вопрос в финансировании!

Я задумался. И правда, может в этом и дело? Что остается человеку, если не хватает денег ни на костюмы, ни на какую-то движуху... только снимать дальние дали и философствовать.

– Хорошо – решил я – Пиши сценарий, я его буду читать. Если не понравится... не взыщи. Честно скажу: моя задача не философии разводить, а развлечь читателя, зрителя, и в этом развлечении незаметно подать какие-то идеи. Например – что такое добро, и что такое зло, должно ли быть добро с кулаками и так ли сладка месть. Но ты, вероятно, уже понял что к чему, когда читал книгу. Скажи Махрову, что я не против того, чтобы ты был режиссером в фильме по моей книге. Впрочем – я сам ему это скажу, он теперь у меня в соседях живет. Давай, Андрей, увидимся! Пойду, а то мне вон уже горячее тащат, а я сегодня что-то очень проголодался. Рад был с тобой познакомиться, надеюсь – у нас все получится.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел к нашему столу. Все что нужно и можно – сказано говорить пока больше не о чем. На самом деле – только что принесли бараньи ребрышки (лэмб чопс!), и мне ужасно хотелось впиться в них зубами. Хищник, ну что поделаешь.

* * *

– Хорошо, будет сделано – кивнул Семичастный, но покидать кабинет не спешил.

– Еще что-то? – понял Шелепин – Что там наш... прозорливец?хлопот не доставляет?

– Еще как доставляет – криво усмехнулся Председатель КГБ – Совсем распоясался со своими... валькириями.

– То есть? – нахмурился Шелепин – У него завтра награждение Ленинской премией! Он в порядке?

– Он-то в порядке – вздохнул Семичастный – Съездил наш Шаман на объект. Посмотреть, так сказать, как строится его дача. Результат: одиннадцать человек вынуждены были обратиться к врачу за медицинской помощью. Еще один госпитализирован.

– И за что он их так? – заинтересовался Шелепин.

– Если быть точным, в основном работал наш агент, вернее – работала. Домработница Карпова. Но и он сам потрудился. Сегодня утром Карпов был у меня, попросился на прием. А до того мне сигнализировал особист при стройке. В общем – прикатил Карпов на стройку

на белом кадиллаке, а когда его не пропустили, избил постового. Потом подъехал к пункту охраны возле объекта, избил всех остальных охранников, отобрав личное оружие у майора внутренней службы, нанеся и ему телесные повреждения. Вот как выглядит версия майора. Рапорт дошел до меня по инстанции через куратора стройки.

– А на самом деле как все было? – прозорливо спросил Шелепин.

– На самом деле их и правда пытались не пустить. Тогда агент предъявила ему служебное удостоверение. Он оказался то ли тупым, то ли совсем упертым, только удостоверение на него впечатления не произвело – он угрожал Карпову оружием. Так как наш агент любой ценой должна сохранить жизнь охраняемого объекта, она просто вырубил постового. Затем Карпов со свитой проехали на территорию строительства, где и столкнулись с неорганизованной толпой солдат охраны. Все они, кстати, сидели в одном вагончике, и никакой охраны вокруг не было. На секретном, понимаешь ли, объекте. Карпов потребовал позвать старшего, появился майор, который не дал сказать ни слова Карпову и его починенным, а сразу же скомандовал взять его под арест. Майор был в подпитии. Агент был вынужден применить силу. Солдат и майора связали проволокой и оставили лежать на месте. Все живы.

– И дальше что? – Шелепин улыбался – Никого не убил?

– Надо было убить этих тварей! – нахмурился Семичастный – Сейчас идет расследование, майор под арестом, солдаты тоже. С ними работают следователи. Охрану сменили, поставили надежных бойцов. Хуже другое. Объект не скоро войдет в строй – судя по рассказу Карпова. И не только по рассказу – я уже послал на объект надежного человека, он мне все и доложил. Стройка ведется гораздо более медленными темпами, чем запланировано. Так же, имеются признаки воровства стройматериалов – солдаты раскололись. Они воровали по мелочи, мешок цемента, пару досок, майор – грузовиками. Вместе с прорабом. Тоже арестован.

– И все узнали за один день? – хмыкнул Шелепин.

– Еще вчера знал. Я курирую этот объект напрямую, обо всем, что там происходит, докладывается мне лично. Как только до меня дошла информация о безобразии, которое там учинил неизвестный – я сразу все понял и направил на объект проверяющих. Вот и работают там со вчерашнего дня. Со слов прораба – все решили, что эту дачу строят какому-то начальству за государственный счет.

– А если дачу – значит можно воровать? – снова усмехнулся Шелепин – Вот же мерзавцы!

– Это была конечно же легенда прикрытия – дача высокопоставленному начальнику. Но сработала она вот так странно – будто дала разрешение на воровство. Стройбат и взвэшники вокруг – мы опасались привлечь к объекту излишнее внимание. Вот и нарвались на безобразие.

– Под суд! Всех виновных в краже госимущества – под суд!

– Я же говорю – следователи занимаются. Вечная проблема с этим стройбатом... я вот что думаю – надо привлечь к строительству гражданских лиц – перетаскать лучших специалистов откуда-нибудь из Владивостока, на время строительства. Техника здесь есть, сколько угодно, рук нормальных не хватает.

– А ты уверен, что стройку вели по проекту? Что цемента хватает и металл на месте?

– Следователи выяснят. Прораб, со слов куратора, божится-клянется, что и бронеплиты на месте, и делали все, как положено.

– Мда... распустил Устинов армию! А стройбат... это вообще банда какая-то!

– Банда и есть... кого только туда не спихивают военкоматы – начиная с увечных, заканчивая людьми с судимостью. Просто беда, а не стройбат!

– А какого черта ты сразу не подумал о гражданских? Сразу-то чего так не сделал? Настроили они бы там, представляю!

Шелепин задумался на пару секунд, вскинул взгляд на Семичастного:

– Значит группа Аносова начнет работать не скоро?

– Карпов предложил начать работу на базе спецназа ГРУ в Сенеже. Там есть практически все условия для тренировок. Он тренирует там Аносова и его замов, а потом они занимаются уже с группой «Омега» – когда база в Переделкино будет готова.

– А тогда на кой черт мы тратим деньги, занимаясь стройкой базы? Построили бы Карпову дачу, да и хватит. Можно и в Сенеже тренироваться.

– Пять человек – это одно. Мало ли кто появился на тренировочной базе! А вот когда двадцать пять, тогда слухи пойдут, тогда начнутся разговоры. А зачем нам это надо? Дойдет и до Устинова. А так – пятеро наших агентов-инструкторов повышают свой боевой уровень. Оперативники КГБ! Волкодавы. Это и будет их легенда прикрытия.

– Хорошо. Пусть будет так. И насчет гражданских... но ты ведь уже отдал приказ, да?

– Конечно. Уже везут – самолетами. Завтра будут на месте. Двойной оклад, премия по завершению, подписка о неразглашении, ну и потом во Владивосток – с запретом въезда в Москву на пять лет. Мало ли что...

– Еще что-то?

– Да. Карпов тут вспомнил... Машеров и Кулаков, оказывается, были убиты.

– Да ты чего?! – брови Шелепина поползли вверх – Это как так?

– Я рассказываю тебе то, что передал мне Карпов! – Семичастный пожал плечами – История такая: Кулакова то ли убили, то ли он покончил с собой в семьдесят восьмом году. Нашли его мертвым и так не дознались, что же точно с ним случилось. Но его смерть очень помогла Горбачеву, которого Андропов протаскивал наверх. С Машеровым история тоже подозрительная. Ехал по трассе, впереди машина сопровождения. По встречной едет грузовик. Скорость машины Машерова и машины сопровождения – больше ста километров в час. Вдруг из-за грузовика на встречную полосу вылетает другой грузовик – с картошкой. Машина сопровождения успевает увернуться от удара, машина Машерова – нет. Все трупы. Еще и картошкой засыпало.

– А на кой черт тогда машина сопровождения? Она же должна была принять удар на себя, а не уворачиваться! – построжел Шелепин.

– Вот и я думаю – почему? – хмыкнул Семичастный – Если только это все было сделано не нарочно. Кстати, смерть Машерова дала зеленую дорогу Горбачеву. Он занял место в Политбюро, которое должен был занять Машеров. Место Косыгина, который умер в восьмидесятом году.

– Горбачева надо убирать. Совсем! – мрачно буркнул Шелепин – пустозвон! Общался я с ним. Это шустрый жополиз, пустозвон, который готов без мыла залезть... Верю, что это именно он развалил страну. Как там сказал Карпов? Агент влияния – вот кто такой Горбачев.

– Ну ты же его пока не трогаешь... следим за ним, контактов с врагами не обнаружено. Возможно – просто дурак. Самовлюбленный, амбициозный дурак.

– Это еще хуже. Ничего не накопал? Такого, за что можно было бы его подцепить? Мне не хочется сейчас поднимать шума, но... пора бы его и...

– Особо не за что. За глупость если только? Ну еще он подслушивает, подглядывает... компромат собирает на своих коллег. Мелочный, жадный, не терпит никакой критики. И его жена... Горбачев не принимает решений, не посоветовавшись с ней. Об этом говорил Карпов, и это подтвердилось при наблюдении. Нескромная в быту, самоуверенная, можно даже сказать – хамка. По отношению к нижестоящим, конечно. Можно даже сказать, что Горбачевы – это два в одном. Как сказал Карпов – двойная звезда. Смотришь – вроде звезда одна. А в телескоп поглядишь – одна звезда вращается вокруг другой.

– И кто вокруг кого вращается?

– Горбачев вокруг жены, точно. Кстати, возможно, что агент влияния именно она. Сам Горбачев просто безвольный пустозвон, как ты правильно сказал.

– Машерова надо в Политбюро – задумчиво сказал Шелепин – Уже подбирать верных людей. Сулова и Лигачева – на пенсию. Насчет Кулакова... тоже надо подумать. Оба хорошие хозяйственники, один из них должен заменить Косыгина – когда придет время.

– Косыгин незаменим. Он никогда не лезет в политику, умный хозяйственник. Стоило бы заставить его заняться своим здоровьем. Со слов Карпова, в семьдесят шестом году Косыгин перевернулся на байдарке и утонул.

– Стоп! Как это утонул?! Он же в восьмидесятом умер?!

– Утонул, пережил клиническую смерть. Откачали. После этого его здоровье и пошатнулось. Два инфаркта, и... конец. Он еще и работой себя загонял. Потому и говорю – надо бы его заставить заняться своим здоровьем.

– Да... Косыгин – это крепкий, очень крепкий хозяйственник! Без него будет трудно. Вызову на днях к себе. Надо запретить ему байдарочный спорт, хватит дурака валять! Или хотя бы чтобы по опасным рекам не сплавлялся. Мда... все-таки Карпов свыше нам дан. Если есть бог – это вот его посланец. Сколько ошибок можно избежать! Сколько правильных решений принять! Береги его.

– Давай ему Героя Соцтруда дадим?

– Хмм... почему бы и нет? За те сведения, что он дал, его сверху донизу можно покрыть медалями. В два слоя. Решим вопрос. Ладно, двигаемся дальше...

– Постой! Знаешь, что мне Карпов предложил? Переподчинить себе ГРУ, и самое главное – спецназ ГРУ. Сделать из спецназа ГРУ личную гвардию, подчиняющуюся напрямую Председателю Комитета и Генеральному секретарю. Усилить спецназ, собрав в него лучших из лучших, увеличить финансирование подразделения с тем, чтобы им было чего терять, если нас с тобой не будет. И знаешь... это очень дельное предложение. Очень. Помнишь историю в Чехословакии? Это он, спецназ ГРУ решил дело малой кровью. И в нашем с тобой положении, сейчас... мы одной группой «Омега» не обойдемся.

– Да. Очень дельное предложение, и я удивлен, что ты раньше об этом не подумал – Шелепин написал что-то на листке бумаги – Каково будет обоснование переподчинения ГРУ?

– Простое! Желание усилить службу, объединив ее со службой внешней разведки. Создадим нечто новое – Службу Разведки, и там будет два управления – Военная разведка и Внешняя разведка. Обе будут подчиняться Комитету. Кстати сказать, оно ведь так и было – при Сталине. Обе разведки подчинялись МГБ. И кстати – очень правильно, зачем дублировать друга друга? Цели-то одни и те же. И спецназ ГРУ – самое то, что нам нужно. Кстати – вот тебе и мотивация прибытия Карпова со товарищи на базу в Сенеж – проверить боеспособность подразделения перед тем, как его переподчинить. Карпов будет выступать проверяющим...

– Нет! Аносов пусть за проверяющего. Карпов сбреет бороду и будет его помощником – пусть сделают документы на другую фамилию. Кстати – на всех пускай сделают. Не надо, чтобы их фамилии где-то фигурировали. Пусть инспектируют, пусть тренируются – до окончания постройки... хмм... дачи. Кстати – ее так и надо называть в документах и между собой – Дача. Если кто-то и услышит – не поймет.

– Хорошо, так и сделаем. Иду исполнять, товарищ Генеральный!

– Иди... дел громадье! Успеть бы... прежде чем нас картошкой засыплет.

– Тьфу-тьфу... что за упадническое настроение? Устал?

– Еще как... на рыбалку бы выбраться, что ли... или как Косыгин – на байдарке с водопада! Все безопаснее, чем в этом кресле.

– Это точно – ухмыльнулся Семичастный, и рука его вдруг явственно ощутила рубчатую рукоятку пистолета. Того пистолета, из которого он убил Брежнева.

* * *

Вручение Ленинской премии прошло как-то даже и буднично. Или я уже привык к шуму, вниманию корреспондентов и сопутствующей этому суете? Вручали в Центральном Доме Литераторов, или как его называют – ЦДЛ. В большом зале. Я не знаю, какой у них тут зал большой, какой маленький, но этот называют именно так: «Большой зал».

Пришлось надеть костюм – тот, что Ольга купила еще в Штатах – как знала, что пригодится! Хотел вырядиться как обычно – штаны и свитер – но девчонки отговорили. Мол, неприлично являться на вручение Ленинской премии во вражеских джинсах и вообще – простежки, как... как панк. Они такого слова «панк» еще не знают, но все те слова, какими девушки охарактеризовали человека, который приперся на такую важную церемонию в свитере грубой вязки, сконцентрировать можно именно в этом слове – «панк». Так что скрепя сердце я надел костюм, нацепил удавку-галстук, и выглядел как... ну... как преуспевающий бизнесмен! Или как ученый. Или как... в общем – белый воротничок, а не свободный как ветер представитель творческой интеллигенции с расстегнутой из протеста ширинкой.

Когда объявляли фамилии и заслуги лауреатов, я невольно даже напрягся – как объявят меня? Я ведь никогда не получал премии за свои книги, никогда не выигрывал никакие конкурсы. Так что и не знаю, каково это – получить премию за книгу.

Справедливости ради надо сказать, что я и никогда не подавал свои романы ни на какие конкурсы. Но в моем времени эти самые конкурсы практически ничего не давали авторам книг – кроме Чувства Собственной Важности. Или сокращенно: «ЧСВ». Конкурсы не добавляли бодрости продажам книг автора, очень редко давали премиальные – какую-нибудь символическую сумму, но в 99 процентов случаев – совсем ничего. Часть этих конкурсов была откровенным лохотроном – засылай денег, и может быть получишь диплом лауреата. Часть просто междусобойчики – когда премии получают одни и те же люди, и непонятно за что. Потому что бумажные тиражи их ничуть не больше, к примеру, моих тиражей. А вот читателей в электронном виде у меня гораздо больше – на порядки.

Это я беру в пример ту область литературы, в которой подвизался в свое время – фантастика. Большая Литература – там совсем другое. В Большой Литературе правят оголтелые либералы и оппозиция к власти, питаемые из непонятно каких источников (понятно каких, но говорить об этом не принято). Для того, чтобы получить премию в Большой Литературе, ты должен писать витиевато, а самое главное – рассказать о кровавой гэбне, которая угнетала народ, о кровавом Сталине, и о проклятом большевистском руководстве страны, которое ничуть не лучше Гитлера и его клики. А может и хуже. И везде поливать грязью нынешнюю власть. И тогда большой шанс, что ты получишь одну из первых премий Большой Литературы.

Объявили меня так: *«Карпов Михаил Семенович – за вклад в укрепление дружбы между народами, и за написание серии книг для детей и юношества».*

Мда... вот так вот – для детей и юношества! Нет, а что – печатали-то меня под грифом «детская литература», что дало мне гораздо больший гонорар, чем если бы это была литература для взрослых. Спасибо Махрову, расстарался.

Кстати, Махров был здесь. Удостоил так сказать посещением! Сам министр культуры, это тебе не хухры-мухры! Рядом сидел, вместе с женой Любой. А я сразу сказал, что нас будет трое, так что Ольга и Настя сопровождали меня на вручение.

В общем – объявили, вызвали, похлопали, сел на место. Медаль с Лениным на груди, удостоверение к ней и коробочка – в руках, ну и... все.

Потом был банкет – тут же в здании, в ресторане при ЦДЛ. Ну что сказать... хороший ресторан, уютно, атмосферно, хорошо готовят. Посидели, поели, выпили. Я много не пил, уже давно много не пью – тем более, что не могу опьянеть по причине своей «особой природы», а

что толку пить, если не можешь опьянеть? Только икать пузырьками шампанского, да слышать, как оно бурлит у тебя в животе. Лучше соку попить. Или пива. Вот пиво – самое то, я и раньше с него не пьянел, так что чисто ради вкуса. А вкус вина или водки я никогда не любил. И вообще – глупо думать о вкусе вещества, которое пьешь для того, чтобы отключить голову, фактически – одурманить себя до беспамятства.

Ну да, я не ценитель «букета» и «послевкусия», если не считать послевкусием отрыжку винными парами. Тогда лучше пить лимонный ликер – от него отрыжка отдает лимончиком.

Поговорили мы с Махровым и о Тарковском, и Махров заверил, что ему будет дана зеленая улица и насчет финансирования – никаких проблем. Народу нужна яркая картина, которая покажет, насколько меняется жизнь в стране. Все ждут ветра перемен, и к черту «Свинарку и пастух», пришло новое время, веселое!

Долго не сидели – скучно. Через пару часов отправились домой, сытые, и довольные. И уже в машине узнал у водителя, что завтра к 12 дня я должен быть у Семичастного. Одно радует – приглашают на ковер редко когда раньше 12 часов (вчерашний визит – исключение), так что можно нормально выспаться. Ложусь-то я поздно! «Сова», ночью мне лучше всего работает.

День закончился работой – до двенадцати часов не стихала пишущая машинка Ольги, а заснули уже около часа ночи. Душ-постель-секс. Я теперь молод! Так почему бы и не «посексоваться»?

* * *

– Здравствуйте... генерал!

– Здравия желаю, товарищ Председатель Комитета Государственной Безопасности! Только я не генерал, я полковник.

– Генерал-майор. Теперь вы служите в моем ведомстве и подчиняетесь непосредственно мне, и товарищу Шелепину. Садитесь, генерал. Поговорим.

Семичастный посмотрел в жесткое, лишенное каких-либо «нежных» черт лицо Аносова, и легонько усмехнулся:

– Вот он, таинственный серийный убийца! Маньяк! Поймали, наконец-то! Да не напрягайтесь вы так... никто не собирается вас арестовывать. Да и недоказуемо, ведь так же? Молчите? Молчание – знак согласия. Ладно. Поговорим о главном. Вы знаете, кто такой Карпов?

– Писатель. Спортсмен. Стрелок. Мой друг.

– Нет. Вы знаете, о чем я спросил. Знаете?

– Знаю.

– Тогда вот что, генерал... если хоть слово, если хоть пол-слова выйдет из ваших уст по этому поводу не там, где положено – я вас уничтожу. Сотру в порошок! Надеюсь, вы понимаете, что это тайна будет покруче атомной бомбы?

– Понимаю. Я и не собирался ничего и никому говорить.

– Хорошо. И этот наш разговор тоже должен остаться между нами. Даже Карпову – ни слова! Генерал... ваша будущая группа – наш кинжал, наш стилет. Грядут события, от которых содрогнется страна, и вы должны быть к ним готовы. Осталось совсем мало времени на подготовку. Совсем! Увы, и протянуть время мы тоже не можем. В недрах партии зреет антигосударственный, антиправительственный заговор. Наступит момент, когда мы должны будем обезглавить эту гидру. Вы готовы к этому?

– Всегда готов – серьезно кивнул Аносов.

– Как юный пионер... всегда готов! – вздохнул Семичастный, и задумался. После паузы продолжил – Ваша группа устроилась? Квартиры, обстановку, деньги – все получили? Люди довольны?

– Еще бы им не быть довольными! – улыбнулся Аносов – Из грязи, да в князи! Мы по лесам за бандеровской мразью гонялись за один паек, а тут... даже «волги» дали! Парни просто молятся на вас! Только одного боятся...

Он замешкался, выбирая выражения – все-таки это Председатель! Но Семичастный понял, усмехнулся:

– Боятся, что это последний ужин перед казнью? Нет, парни... мы не такие уж жестокие, как вы думаете. Если пошлем в бой вас – значит, другой возможности у нас не было. И вы должны это понимать. В остальном – вы должны всего за три-четыре месяца сделать из парней, которых вам пришлют, нечто подобное вам – насколько это возможно. Превратить их в послушное нашим рукам оружие! Как это сделать – ваши проблемы. Но вы должны отслужить оказанное вам доверие. Вы должны доказать, что нужны нам! Иначе... не обольщайтесь, все мы выполняем некую функцию, все мы служим нашему государству. И для того, чтобы оно выжило – мы пошлем в топку любого. И сами туда прыгнем – верите вы в это, или нет! Идет речь о том, будет ли жить наша страна или нет, сохранится ли она в будущем, или как рассказал Карпов – превратится в жалкие осколки былой могучей страны. Я всю жизнь служил Родине, как и вы. Родина – вот главное! Вот ради чего мы живем! И это не пафос, это правда. И вы меня понимаете, я знаю.

– Понимаю – Аносов внимательно посмотрел в лицо собеседника и снова кивнул – Поверьте, если бы от моей смерти зависела жизнь родины – я немедленно пустил бы себе пулю в висок! Так нас учили! Так мы жили. Жаль, что Родина не всегда была к нам добра и честна.

– Жаль... – кивнул Семичастный – Поверьте, сейчас у власти те люди, которые не забывают своих подчиненных. Товарищ Шелепин резко отличается от своих предшественников. Это настоящий вождь! Настоящий коммунист! И не догматик. А я, правая его рука, сделаю все, чтобы страна жила.

– А левая рука? Кто левая рука? – вдруг спросил Аносов. Семичастный вначале не понял, потом чуть улыбнулся:

– Председатель Совета Министров, конечно. Лучший наш хозяйственник. Но мы сейчас лезем в такие дебри, в которые вам лучше не соваться. Главное – делайте то, что прикажу вам я, или товарищ Шелепин.

– А если ваши приказы будут противоречить друг другу? – вдруг спросил Аносов.

– Конечно, приоритетны приказы товарища Шелепина – не задумываясь пояснил Семичастный – Он генеральный секретарь партии, а все мы, партийные люди, должны подчиняться своему старшему товарищу. Но честно сказать, я не могу себе представить ситуацию, когда наши с ним приказы будут противоречить друг другу. И так, с этим разобрались. Далее, по конкретным планам на ближайшее будущее: вы едете в Сенеж, где начнете тренировки с Карповым. По окончании строительства Дачи, перемещаетесь туда, и обучаете курсантов. В Сенеже номинально главный вы, но фактически командует Карпов. Вам готовят документы прикрытия, в Сенеже вы будете некой комиссией, которая определяет уровень подготовки бойцов для какой-то особой цели. Командиру части можете потихоньку намекнуть, что эту часть, как и другие части спецназа ГРУ, будут передавать под командование КГБ. Это и на самом деле так – решение принято. О том, что оно уже принято – не говорите. Просто намекните. Карпова не светите, и тренируйтесь где-нибудь в укромных местах. Ну и... устройте им там настоящую проверку! Морды набейте! Докажите, что специалисты из КГБ стоят каждый десяти спецназовских инструкторов! Пусть подергаются, пусть будут унижены и оскорблены! А то нос слишком задирают. Кстати, так же можете намекнуть, что при переходе под нашу руку командира части повысят в должности на ступеньку, повысят оклады и все такое прочее. Улучшат квартирные условия офицерам, и вообще – осыплют благами. Пустите такой слух. Пусть они мечтают служить у нас! Понимаете, да?

– Понимаю. Вы хотите, чтобы они обзвонили своих... хмм... коллег из других частей, и те не возмущались, что переходят в КГБ?

– Верно поняли.

– А ведь было уже... в МГБ все вместе были – и диверсанты, и внешняя разведка – пожал плечами Аносов – Ничего нового. И кстати – правильно, что были вместе. Это потом, когда во время войны влияние армейцев усилилось, они отжали себе войска специального назначения. А вообще-то, я так считаю, они должны быть в КГБ.

– Верно мыслите – удовлетворенно заметил Семичастный – Вижу, что я в вас не ошибся. Теперь вот что: дайте-ка мне оценку Карпова. Что он за человек с вашей точки зрения. Хочу понять, насколько мои оценки сходятся с вашими. Вы его ближе знаете. Оценка – со всех точек зрения, и морально-политическую, и как бойца. И вообще – можно ли ему верить?

– Верить? – Аносов широко улыбнулся – Если Карпову не верить, так кому тогда? Я ему верю больше, чем самому себе! А в остальном... он ехидный, он не признает авторитетов – он и вас может нахер послать, если достанете! Хе хе... простите. При всем притом он очень уважителен к тем, кого считает настоящими специалистами, профессионалами своего дела. Не заносчив, всегда ровен со всеми, дворник это, или преподаватель института. Он очень много знает – про его абсолютную память вы уже знаете. Соображает практически мгновенно – вы оглянуться не успеете, как у вас нет глотки, а Карпов идет дальше. Читали, как он в Штатах расправлялся с бандитами? Одному он глотку вырвал двумя пальцами. Снайпер от бога – просто какой-то Робин Гуд с пистолетом или винтовкой. Он всегда попадает – туда, куда хочет. Если вообще можно было попасть. Есть такие феноменальные люди, у них дар. Есть очень сильные, есть очень быстрые, а этот – стрелок. Кстати, насчет силы и скорости... вспомните, что он сделал с Мохаммедом Али, и все поймете. Приемы, которые он мне показывал – их я не знаю. Никогда не видел. У нас, воспитанных ОСНАЗом, другие приемы, как говорится – колхозные. Как ни стыдно это признавать – я ему не соперник. Не слажу с ним! Морально-политические? Ну... представьте себе солдата на войне. Какие у него морально-политические по отношению к окружающим? Ему выполнить задачу, поставленную командованием, и ради этого он сделает все, что угодно – украдет, убьет, сделает все, что угодно! Но цели достигнет. Карпов – на войне. Он, как сам выражается – «на щелчке». Это когда оружие снимается с предохранителя – «щелк!» Карпов – постоянно, постоянно на войне! В быту – он очень заботится о своих людях, следит чтобы у них все было. Не жадный, хотя и не мот. Почти не пьет, и никогда не пьянеет. То ли организм у него такой... в общем – сколько бы не выпил, всегда трезвый. Так и говорит – какого черта пить, если не пьянеешь? К славе не тянется, скорее наоборот – любит оставаться в тени и отдавать лавры своим людям. Комфорт любит, хотя может легко переносить любые трудности – выносливость у него... даже не знаю, с чем сравнить. Кстати, когда я его встретил, он выглядел гораздо старше. Волосы с проседью, грузнее, чем сейчас. Сейчас – он выглядит как парень в расцвете сил, поджарый и быстрый, как волк. И такой же опасный. Насчет политики: ему плевать на политику, плевать на то, кто стоит у руля страны. Он одержим только одной идеей: спасти СССР, и тем самым спасти сотни тысяч, миллионы жизней граждан страны. И для этого он готов идти на любые жертвы.

Аносов задумался, Семичастный ждал, не встречал в диалог. Наконец, новоиспеченный генерал снова заговорил:

– Ненавидит предательство. Стоит его обмануть, стоит предать – даже ради какой-то правильной может быть идеи! – и все, ты его враг. А если и не враг, то существо уровнем ниже дерьма, налипшего на подошву. Поэтому я бы не рискнул его обманывать. А для друзей он жизнь свою положит. Никогда не бросит. Ну а в остальном – шутник, охальник, типичный вояка, прошедший огни и воды. Таких людей как Карпов надо ценить. Их не так много, и каждый на вес золота. Ну вот... вроде бы и все, что могу сказать. По-моему, подробнее некуда!

– Ваша характеристика совпадает и с моим впечатлением о Карпове, и с выводом аналитиков нашего отдела – бесстрашно ответил Семичастный, уткнувшись взглядом в бумаги на столе. Сделав паузу секунд в десять, Председатель спросил:

– Вы в курсе, что именно заказал Карпов для обеспечения Дачи. В курсе?

– В курсе.

– Есть замечания?

– Нет, но... не знаю, правильно ли будет... в общем, разговаривали мы с Карповым по поводу Дачи и курсантов. И возник такой вопрос: эти курсанты воевали? Участвовали когда-нибудь в боевых действиях? В общем – убивали они людей, или нет?

– Хмм... – Семичастный не нашелся, что сказать, потом все-таки выдал – Я не знаю. Это все крепкие молодые мужчины возрастом двадцать пять-тридцать лет, все офицеры. Спортсмены, боксеры или самбисты. Морально устойчивые, политически подкованные. Среди них есть и те, кто был во Вьетнаме. Убивали они там, или нет – мне не известно.

– Надо – чтобы они убивали – нахмурился Аносов – Карпов назвал *это* «куклы». Нужны «куклы». И каждый из курсантов должен будет убить хотя бы одного.

– Поясните? – насторожился Семичастный.

– Заключение, приговоренные к высшей мере наказания, или с очень длительными сроками. Двадцать лет особого режима, например. Или «крытка». Их выставляют против курсанта, и он должен убить его голыми руками. Или ножом. Или из пистолета – такой же пистолет у «куклы». Если «кукла» его убьет – ему заменяют смертную казнь на срок. Или длительный срок уменьшают на некоторое количество лет. Или дают послабление – водку, бабу, и все такое. Каждый курсант должен испачкаться в крови. Иначе он спасует в самый неподходящий момент. Человека убить очень непросто! Одно дело, когда ты паляшь на километр из пулемета, и враги там где-то вдалеке валяются, как в кино. И другое, когда так вот... лицо к лицу! Когда запах крови! Когда кишки вываливаются! Понимаете?

– Понимаю. Я подумаю над этим – нахмурился Семичастный – да, мир Карпова очень жесток. Мы до этого не додумались.

– У нас своего хватало – пожал плечами Аносов – Кстати, Карпов сказал, что прежде чем принять «куклу» в работу он сам посмотрит его личное дело. Уголовное дело. Потому, если собираетесь дать команду найти «кукол», сразу пускай готовят на них все материалы.

Семичастный внимательно посмотрел в глаза Аносову, но ничего не сказал. А что тут говорить? И так все понятно. После паузы, он спросил Аносова, но совсем не о том, о чем тот ожидал:

– Кто был последним?

– То есть? – слегка опешил Аносов, и тут же нахмурился, поняв.

– Кого последнего устранил? Это не допрос, чисто интересно.

– Четверых – не задумываясь ответил Аносов – Всю семью. Мать, отец и две дочери. Главная в этом была одна из дочерей. Она через несколько лет будет травить своих мужей, потом отравит соседей, а когда устроится в школу посудомойкой, отравит много детей. Мать ее учила: дружи со всеми, ни с кем не ругайся, а если кто-то тебе не нравится – не грех ему и яду подсыпать. Эта тварь мечтала о черной волге. Очень хотела купить. Для того отравила одного мужа, потом родителей другого, а в доме убитых ей стариков устроила свинарник. Кормила свиней объедками из школьной столовой, где потом и травила детей. За то, что они отказались расставлять стулья. Эта семейка судя по информации из уголовного дел убила минимум тринадцать человек, и лишила здоровья десятки детей. Отравительницу потом расстреляли, но было поздно.

– И вы уверены, что это правда? Что Карпов дал вам достоверную информацию? – Семичастный испытующе посмотрел в лицо Аносову.

– Карпов никогда не ошибается. Но каждый раз я старался проверить. И я допросил семейку. Они травили раньше, чем стало известно. Дело в том, что соли таллия, которыми они травили людей, вызывают симптомы, похожие на симптомы множества болезней. Так что людей хоронили как умерших от сердечной недостаточности, от отказа почек, печени. И никто не заподозрил, что это отравление. А твари травили просто за то, что посмотрел не так, сказал не так, за то, что человек более обеспечен, чем они. Ребенку плюшку дали – он слишком шумел. Соседке кусок пирога поднесли – вроде как из уважения. А они и померли. Я устроил допрос. Они мне все рассказали. Там не тринадцать, там в разы больше. По моим прикидкам – сорок, или пятьдесят.

– Как допрашивали? Что делали?

– Сломал два пальца. Отрезал ухо. Воткнул нож в плечо и поворачивал его в ране – равнодушно ответил Аносов, глядя на Семичастного пустыми глазами убийцы – Они сразу раскололись. Все рассказали, в подробностях.

Семичастный сделал в бумагах какую-то отметку и снова поднял глаза на собеседника:

– Хорошо. Я доволен нашей встречей, рад, что вы приняли наше предложение. Надеюсь, мы не разочаруемся друг в друге. Свободны. Документы прикрытия передаст Карпов, у меня с ним тоже будет беседа. До свидания, товарищ Аносов.

– До свидания! – Аносов встал, повернулся через плечо и почти строевым шагом пошел к двери. Когда дверь за ним закрылась, Семичастный вдруг откинулся к спинке кресла и замер так, прикрыв глаза и потирая лоб запястьем левой руки. Он устал. Спал сегодня максимум три часа. Мозг просто кипел от множества задач, которые перед ним стояли. И покой ему только снился.

Одно радовало – большинство задач хоть и со скрипом, но все-таки решались. Как, например, эта задача, о которой он только что говорил с Аносовым. И сколько бы Семичастный не думал о том, надо ли им с Шелепиным иметь под рукой такую вот карманную команду убийц – убеждался: надо. И если все получится так, как задумано... он точно об этом не пожалеет.

И еще – люди, которые занимаются этим делом подобраны можно сказать идеально. Про Карпова и так все понятно – это бриллиант надо ценить и беречь. Но еще и Аносов – даже странно, как же прежнее руководство могло упустить из вида такого ценного, практически незаменимого работника?! Это надо быть полным идиотом, чтобы просто так взять, да и выбросить его из Системы!

Брежневские дела... это все от него пошло! Жополизы, лизоблюды – «как бы чего не вышло!» «Давайте мы не будем делать резких шагов» «Давайте мы уберем на пенсию, от греха!» Оставили служить приспособленцев, да жополизов, вот и...

Не все такие, конечно, но... их много. И надо очищать Комитет от всякого ненужного балласта! Вспомнить только – сколько шпионов сидело в самой верхушке КГБ! Если бы не Карпов – так бы они и сидели, грызли бы Комитет изнутри! Твари... Поделом Андропову наказание – пуля в голову. Распустил! Развел кубло змей!

Семичастный даже зубами скрипнул, и рука его непроизвольно сжалась в кулак. И тут же разжалась – вспомнил рассказ Аносова о том, как расправился с отравителями. Молодец, что еще скажешь? И да – Карпов никогда не ошибается! Просто не умеет, черт ехидный... Иногда так это бесит! И ехидство, и то, что этот подлец никогда не ошибается. Рядом с таким человеком чувствуешь себя ущербным. Увы.

Кстати – Карпов как-то упоминал, что в двухтысячных годах армию начали разделять на срочников и контрактников. Хорошее дело. Нужно вводить контрактную службу. Готовить профессиональных бойцов. И эти бойцы пойдут как раз в части спецназа, подчиненные Комитету. Как там это называлось? Императорская гвардия? Вот это и будет гвардия – защита и опора. А она ему с Шелепиным ох, как понадобится! И скоро...

* * *

– День на сборы, завтра с утра – на машину и вперед. У КПП «Сенеж» встречаешься со остальными членами группы. Вот ваши документы прикрытия (двигает по столу большой пухлый конверт) Все нужное вам снаряжение – обмундирование, и другое – в машине сопровождения. Женщины едут с тобой. И печатная машинка – тоже! Для посторонних – Ольга печатает отчеты. Вас поселят в отдельном здании, в гостинице для приезжих. Питаться будете в офицерской столовой. По «легенде» – вы проверяете состояние подготовки личного состава воинской части перед реформированием части. Будем переподчинять спецназ ГРУ Комитету. Кстати – и в самом деле, определите уровень подготовленности бойцов. Что от них ожидать, на что они способны. В том числе и морально-политический уровень. Настоящие удостоверения личности с собой не бери. Официально главный в вашей группе – Аносов. Он генерал-майор. Ты – капитан, по твоей физиономии и капитана много. Бороду сбрей, постригись под ежик – чтобы не узнали. Шанс что узнают малый, слишком это фантастично – писатель-фантаст бегаёт по плацу, но все-таки такой шанс имеется. Там же (указал на пакет) деньги на расходы. Неофициально главный – ты. Тебе подчиняются все в этой группе. Кстати посмотришь в деле и подчиненных Аносова. Может, и смысла не было их тащить из небытия. И без сантиментов – не подходит – гоним прочь, нам балласт не нужен. Все понятно? Вопросы есть?

– Что с Дачей?

– Две недели. И не надо смотреть на меня с такой рожей! Да, была допущена ошибка – слишком залегендировались, надо было сразу привлечь опытных гражданских и нормальную охрану. Но теперь все исправим. Две недели, может раньше. Как раз тебе хватит времени прощупать Аносовских бойцов и разведать, как обстоят дела в этой части. Мы решили сделать ставку на эту часть. Кстати, по твоему же совету. Так что давай, смотри – как там и что. Все, дуй отсюда!

Ну и я и «подул». А что еще делать? Пакет довольно-таки увесистый, как вышел в коридор хотел в пакет заглянуть – не получилось, заклеен намертво, только резать. Ладно, дома посмотрю. В машину, и до дома! Время еще половина первого, так что до вечера соображу, как и что. Может Аносова вызвать и передать ему удостоверения, пусть сам занимается, раздаёт своим людям? Наверное, так и сделаю. Им еще свои фамилии надо будет запомнить. Интересно, какую фамилию эти черти гэбэшные мне прилепили!

Мда... жаль все-таки, что базу не успели достроить. Честно сказать, всякие там инспекции мне ни в одно место не уперлись. Вообще-то я чего-то подобного и ожидал. Нет, не насчет Сенежа – насчет Дачи. Стройбат, это... стройбат! А заигравшись с легендированием пустили дело на самотек. Вот и результат.

Но теперь погоны полетят! И головы – тоже! Или я не знаю Систему! Солдатешкам, если они ничего криминального не сделали – мало что грозит. Максимум – на губе отсидят. А вот начальство... этих по-полной вздрючат! И поделом. Пика своего раздолбайство достигло в девяностые годы, когда солдаты почитай не служили, а отбывали срок. Работали на дачах командиров, да и просто солдат сдавали в аренду, как рабов. Всякое было. Даже вспоминать противно... Срочник, похожий на узника Бухенвальда от недоедания – это как так?! Я бы расстрелял мразей, которые ЭТО допустили!

Открыв дома пакет с документами, обнаружил там десять пачек десятирублевых, командировочные удостоверения в воинскую часть № 92154, удостоверения личности военнослужащего и служебные удостоверения КГБ СССР на разные фамилии.

Я теперь назывался Мишутин Максим Витальевич (Мерзавцы! Миша-Мишутин! Хохмачи!), Ольга была Катериной Семеновной Инютиной, Настя – Анной Георгиевной Курносовой, Аносов – Дмитрий Федорович Ковалев. Соответственно, заместители Аносова: Вик-

тор Маркин стал Владимиром Валеевым, Василий Малеев сделался Степаном Хачатуряном (почему-то!), Петр Калугин – Михаилом Селягиным.

Тут же, в пакете лежали пропуска на территорию «Сенежа» – «вездеходы». То есть мы можем пройти там, где ходим и посмотреть то, что захотим. Подписано заместителем министра обороны СССР. Пропуска на все семь человек. И письмо из министерства обороны СССР, в котором указывалось, что: «... группа специалистов... бла-бла-бла... направляется... бла-бла-бла... всемерно содействовать... обеспечить... организовать...». И опять же – подпись заместителя министра обороны. Все печати, все, как положено.

По званиям – точно, меня понизили до капитана, Аносов генерал-майор, его замы – майоры. Настя капитан, Ольга лейтенант.

– Изучайте свои документы! – перекинул я удостоверения стоящим возле меня девицам – Катя! Аня! И смотрите, не перепутайте. Я теперь Максим Витальевич! И это... кто меня побреет?

– Ужас! Такую красивую бороду?! – ахнула Ольга, она же Катя.

– Жалко бороду – вздохнула Настя, она же Аня.

– И не только бороду! – обреченно вздохнул я – Голову тоже! Нет, не брить – под машинку. Буду страшный, и меня девушки любить не будут!

– Тебя всегда девушки любить будут, правда, Настя?

– Правда... – улыбнулась Настя и зашагала из комнаты – Я сейчас бритвенный станок приготовлю. А вот насчет стрижки... может лучше в парикмахерскую сходить? Здесь в доме есть парикмахерская. За десять копеек остригут – сам себя не узнаете!

Так и сделали. Побрила меня Настя – очень аккуратно, можно даже сказать любовно. Даже не царапнула нигде. А вот стричься я пошел в парикмахерскую, хоть и честно сказать – немного брезговал стричься в здешних парикмахерских. В этом мире никакого представления не имели об одноразовых воротничках. Обернул клиента чем-то вроде простыни, потом встряхнул ее, и... на следующего. А ты и думай – кто до тебя тут сидел и что у него там в волосах копошилось. Лучше бы машинку купить, да самому и стричься. Если стрижешься в «ежик».

Когда с меня наконец-то сняли простыню, глянул на себя в зеркало, и... неожиданно себе даже понравился. Молодой, коротко стриженный парень – симпатичный, скуластый. Я уж и забыл, как выглядел когда-то в юности. Оказывается, я был очень даже смазливеньким пацаном. Права Ольга, на такого девки будут кидаться.

Но самое главное – никто в этом парнюге никто не узнает всемирно известного писателя Карпова. От Карпова этот жилистый и даже на вид опасный тип отличается, как голубое небо от серой земли. Хотя если присмотреться, можно и узнать. Но даже если кто-то меня узнает – обсмею, да и только! С ума сошел?! Какой такой Карпов?! Да мало ли кто на кого похож! У меня сосед был похож на Раджа Капура, и что? Оказалось – цыган, потом двух соседей обнес! Хы хы...

Смешно но меня едва пустили к себе домой. Только я вошел в главный вход высотки, тут же ко мне бросился милиционер, из тех, что дежурили внизу, и преградил дорогу:

– Молодой человек, вы куда? К кому?

– Домой, Василий! – назвал я милиционера по имени. Я помнил (само собой) имена всех, кто тут работал. Постепенно как-то выяснилось, как кого зовут. Мне не трудно, когда здороваюсь, звать консьержей по имени-отчеству, или по именам – как этого милиционера, а им приятно. И мой имдж так сказать становится повыше – мол, не чванится известный писатель, уважительный, здороваюсь, по имени называет!

– Ой! Михаил Семенович?! Это вы?! А я вас не узнал! Вы так... помолодели! – парень даже растерялся (а вдруг кто-то «работает» под меня?!).

– Вот, смотри! – я достал паспорт и показал сержанту – Видишь?

– Да ну что вы! Не надо было! – запротестовал милиционер, однако взглядом по фотографии и имени в паспорте скользнул. Службу знает – Проходите, пожалуйста! Наверное, к лету побрились, да?

– К лету. Жарко стало – улыбнулся я, и шагая к лифту вдруг подумал: а как же концерт на девятое мая? Я же ведь должен выступать на этом концерте, Семичастный говорил! А может, отменили выступление? В связи с последней задачей. Честно сказать – не очень уж и хотелось светиться на концерте. Если только замаскироваться? Усы наклеить? Парик надеть? Так-то приехать на концерт из Сенежа – это запросто, ну что такое семьдесят километров?

Когда появился в квартире, Ольга мне тут же сообщила, что был звонок, и некий мужчина просил передать, что точка randevу меняется. Мы садимся в нашу «волгу», отъезжаем в определенное место – водитель знает, куда именно, там пересаживаемся в автобус, и уже все вместе, на автобусе едем в Сенеж. Все снаряжение будет лежать там, в автобусе. Там же переодеваемся, и уже в военной форме едем на место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.